

ВАЛЕНТИН
БАДРАК
ЧИСТИЛИЩЕ

Книга первая
Вирус

CF FOLIO

Валентин Бадрак

Чистилище. Книга 1. Вирус

«Фолио»

2014

Бадрак В. В.

Чистилище. Книга 1. Вирус / В. В. Бадрак — «Фолио», 2014

Главный герой нового романа Валентина Бадрака Кирилл Лантаров – знаковая фигура нашего времени. В отличие от мальчиков-мажоров, он всего добивается сам. За плечами у честолюбивого юноши – столичный вуз, впереди – карьера, и все поначалу складывается удачно: работа в престижной компании, деньги, дорогая машина... В личном плане Кирилл стремится стать мужчиной-мачо: изысканная одежда, рестораны и он – легко покоряющий женские сердца. Однако знакомство с роковой соблазнительницей Вероникой все меняет: Кирилл становится рабом ее неумных желаний и втягивается в сексуальные оргии самого изощренного толка. И вдруг – автомобильная катастрофа, перечеркнувшая прежнюю жизнь. Юноша – на больничной койке, едва не утративший память, он парализован, без денег и друзей... Неужели конец всему?..

© Бадрак В. В., 2014

© Фолио, 2014

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	15
Глава третья	29
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Валентин Бадрак

Чистилище. Книга 1. Вирус

Привлекательное земное сродни падшему ангелу, который прекрасен в своем беспокойстве, велик в своих планах и устремлениях, но лишен удачи, гордости и скорбен.

Отто фон Бисмарк

Глава первая

Сюрприз для фартового парня

1

Кирилл Лантаров порывисто мчался по ковельскому шоссе. Какой-то щекочущий азарт, помноженный на осознание вседозволенности, подстегивал его к авантюре, и он пришпоривал мощный автомобиль педалью газа. Кирилл полагал, что эта мимолетная авантюра и есть настоящая жизнь – колоритная, остро перченая, с полной палитрой красок. Это, как с алкоголем, травкой или склонной к непредсказуемым фантазиям девчонке...

Нерасторопность и степенность других ездоков всякий раз принимались им за неспособность и бесталанность, вызывая раздражение мастера, ловкость которого сдерживают незадачливые, неотесанные новички. «Да, куда ты прешь, чайник тупорылый?!» или «Угомонись, быдло!» были лучшими из выражений, которыми Лантаров одаривал тех, кого обгонял. Это давно уже стало его привычной дорожной забавой, и быстрая езда, как и выработанный в течение нескольких последних лет необычайно резвый ритм жизни, придавали ему в собственных глазах блеск деловитости, сноровистости и значительности. Лантаров даже как-то любовался собой, мельком поглядывая в зеркало заднего вида. Во, какой он стал! Владелец тугого, с множеством солидных кредитных карточек, кошелька. Владелец редкого, дорогостоящего автомобильного тюнинга, блеск которого как бы передавался ему самому. Пользователь роскошной мужской парфюмерии, престижных наручных часов, мобильного телефона ручной сборки, стоимость которого составляла целое состояние для иного серого обывателя трехмиллионного города на Днепре, в котором все было к его ногам. Он ничуть не боялся людей с жезлами и если попадался за превышение скорости, то с легкой, едва уловимой насмешкой протягивал им заранее заготовленные купюры чуть больше общепринятой таксы. Они злились – он отлично это видел, – но, усилием подавляя негодование, все-таки брали деньги. Затем молча кивали, что означало: езжай, раз ты такой крутой, мы оторвемся на ком-нибудь попроще.

Кирилл Лантаров, как говорили в его среде, «сел на тему», на весьма денежную тему. И потому «был при делах» и наотмашь «рубил капусту». То есть хватал быстрые деньги, летящие в руки так же быстро, как стайки резвящихся в киевском небе стрижей. И поскольку у молодого человека не было ни обязательств, ни ясных целей, он отдавался куражу. Жил, как он сам думал, на полную катушку, веселился, наслаждался, выжимал буквально из каждого дня все без остатка, как будто острую приправу из тюбика.

Несясь по трассе, Кирилл с умилением поглядывал на стильную, с пухлыми боками сумочку на переднем сиденье рядом с собой, похожую на откормленного кота. Один раз не удержался и ласково погладил ее выдувающийся бок – кожа была итальянская, добротной выделанная, мягкая и в то же время упругая, как у девушки-спортсменки. Там покоился задаток нового клиента – десять тысяч долларов. «Жирный заказ», – вслух проговорил Лантаров и

умиленно сглотнул, предвкушая уже трижды просчитанный собственный заработок от сделки: не менее четырех-четырёх с половиной тысяч зеленых. Но его приятные размышления вдруг были внезапно прерваны...

На приближающемся к городской черте участке трассы, у «Корчмы» – уморительного местечка с лоснящимся от показной сытости двориком и плохо скрываемыми вуалью жалюзи низменными страстями, – спешащие в столицу машины сбились в узкий и несмелый ручеек. И тут, проявляя наглость и смекалку, надо было протискиваться сквозь пестрое скопище вздыбленных колесниц с разгоряченными моторами. Этот бивак для ищущих острых ощущений небедных любителей загородной свежести всегда навевал на Кирилла острую тоску; расположенный напротив кладбища, своей бравадой он противоестественно врзался в тихий ансамбль из лесной гущи, нетленного покоя памятников и покосившихся крестов. В этом месте почему-то всегда возникали пробки, и в воображении Лантарова трасса тут превращалась в невидимую границу между двумя параллельными мирами. По одну сторону дороги мерещился пик заоблачных радостей представителей пластиковой эпохи; по другую – незримый переход в вечный покой. И из-за того, что два мира столь неестественно и вызывающе соприкасались тут, в точке дороги, у Кирилла всякий раз возникало впечатление преувеличенной, гротескной картины. На одной стороне доминировал запах мяса с кровью, распаленных от вожделения тел; на другой – терпкий запах корней охраняющих могилы деревьев, перемешанный с острым запахом самих могил, укрытых от любопытных взоров мхами и плотным, едва подернутым осенью, заслоном из листвы. И, казалось, вполне можно было перейти по подземному переходу под трассой из одного мира в другой. Правда, дорога та была только в одном направлении и только в один конец. Кто-то говорил ему, что и сама ковельская трасса прошла тут прямо над могилами, слишком рано нарушив покой усопших душ, за что призрачные тени предков мстили облаком невидимого, буйно заряженного энергетического поля, геопатогенной зоной, будоражащей живущих. И действительно, тут, в непосредственной близости от «Корчмы», слишком часто случались аварии. «Вероятно, и сейчас что-то подобное произошло», – мимолетно пронеслось в голове у Кирилла, и, медленно двигаясь, у самого бордюра он разглядел раскаты на асфальте очертания кошачьего тельца. Вернее, то, что осталось от бедняжки, не сумевшей пересечь этот адский железный поток. Кирилл неожиданно вспомнил, что несколько дней тому, вот так же пробиваясь к Киеву, он отчетливо видел только что сбитое несчастное животное. Торопливый водитель, может быть, даже не заметил, что для кого-то земное измерение в тот миг закончилось. Независимо от его желания воображение тогда отчетливо начертило душераздирающую цепь мгновенных превращений. Движущееся гибкое, грациозное существо, внезапный молниеносный удар полутонной массы, пришедшей из ниоткуда, вслед за ним – мгновенный разрыв всех органов, короткий, никем не услышанный, предсмертный крик, и все это тонет в кровавом тесте. А уже сегодня, когда остались только очертания былого кусочка жизни, не возникло даже сожаления, словно так и должно происходить. Словно именно так и настроено монотонное тиканье часов Вселенной. «С людьми происходит то же самое, – невольно подумал Лантаров. – Сегодня человек жив, а завтра остается только смутный, оставленный им отпечаток, как белый инверсный след от промелькнувшего меж облаков истребителя, и уж через несколько минут не остается ничего, что хоть как-то напоминало бы о его пребывании во времени и в пространстве...»

Наконец его взору открылась картина, которую он, впрочем, и ожидал: какое-то авто с чрезмерно самонадеянным наездником невпопад догнало двигавшегося впереди собрата. У первой была прилично разбита задняя часть, вторая сплюснула переднюю так, что вздувшаяся крышка капота придавала автомобилю сходство с набычившимся обозленным зверем. Лантаров опять собирался привычно петлять между двумя потоками: несшимися встречными и слишком, как ему казалось, нерасторопными автомобилями своего ряда. Честолюбивый и удачливый, он был уверен, что по праву презирает правила большинства. Он от кого-то слы-

шал, но не верил, что хотя бы раз в жизни эти правила неотвратимо пересекаются с индивидуальными законами тех, кто исповедует собственную мораль, отличную от представлений подслеповатой толпы. Но, нажимая на педаль газа, всегда говорил себе: возможно, но только не сегодня...

Все дальнейшее произошло быстро и до банальности глупо. Лантаров даже не успел выскочить из проклятой кладбищенской зоны. Это был просто очередной обгон под горку, не предвещавший ничего необычного. Но когда машины поравнялись, Кирилл, оказавшийся на встречной полосе дороги, вдруг с изумлением ощутил, что обгоняемая им машина словно очнулась от монотонности текущего потока и понеслась вперед. Время еще позволяло ему ускользнуть на свою полосу без риска столкновения со встречной машиной. Лантаров резко выжал педаль газа едва ли не до отказа и осатанелым рывком обошел строптивую машину, выскочил на свою полосу движения. Он заметил сквозь слегка тонированное стекло небрежно-роскошные завитушки женских волос. Лантаров хотел гневно выругаться матом в ее адрес, но не успел. Обгоняя нерасторопную девицу, он потерял какую-то важную долю секунды, а может, и больше, и теперь, бросив взгляд вперед, содрогнулся. То, что было впереди, обожгло его внезапным холодом неудержимо срывающейся с гор лавины. Невообразимо близко перед собой он увидел огромный темный силуэт другого автомобиля, похожего на рано выбравшегося из берлоги обозленного медведя и несущегося по встречной полосе прямо на него. Такой же лихач, как и он сам, спешил в противоположную сторону. Лантарову почудилось, что он видит дьявольскую ухмылку. А может, никакой ухмылки не было, потому что этот водитель попал в точно такую же ситуацию, а причиной ее была едва видимая горка, скрадывавшая обзор. Оба ездока и обманулись, двигаясь с противоположных сторон, но если бы хотя бы один из них совершил свой маневр вовремя, ничего бы не произошло. Теперь же какая-то бесовская неотвратимость жутким могильным дыханием перевернула все внутренности Лантарова – он отчетливо увидел, что сулит лобовое столкновение. В этот короткий, как ядерная вспышка, миг Лантаров осознал вдруг свою уязвимость. Он не думал, не размышлял, все явилось само собой, подобно озарению, и только рот округлился для привычного выкрика «Твою мать!» Уже в следующее мгновение Лантаров машинально дернул руль вправо, выбрав для себя обочину как шанс выскользнуть из железной ловушки. Он успел даже немного удивиться спокойствию своего рассудка, сработавшего независимо, как бы самостоятельно и тотчас, подобно безотказному автомату. Но реакция не спасла его, скорость оказалась слишком высокой, а обрыв за узкой обочиной – слишком крутым. Нажав до отказа на тормоза, Кирилл услышал шальной скрежет специальной системы, спасающей автомобиль от заноса, и затем почувствовал, как качественная шведская резина, отчаянно хватаясь за комки земли и мелкие камешки, как будто зубами вгрызаясь в самую обочину, пыталась удержать машину от фатального столкновения с лесом. Обострившееся в этот момент обоняние водителя уловило вызывающе неприятный запах горелого, возникший от трения каких-то механизмов. «Как глупо и бездарно!» – отчего-то пронеслось у него в голове как бы само собой, совершенно независимо от воли. И уже в следующее мгновение возник какой-то странный отстраненный полет чего-то тяжелого, бесформенного, неуправляемого, неодушевленного. И – гнетущее столкновение с землей, черствой и безжалостной. В один миг Кириллу померещилось, что какая-то темная тень, может быть, крылатого хищника – ему отчетливо слышалось хлопанье могучих крыльев, – пронеслась мимо. Внезапный огненный шар ослепил его ударной волной невыносимой боли. Но прежде наступления полного безмолвия темной бездонной пустоты он увидел – и ему это отчетливо запомнилось – светлый и прозрачный, будто сотканный из тончайших золотых нитей, неизвестный лик с мягкими чертами, взирающий с укоризной, но в то же время с заботливой материнской нежностью.

Кирилл не видел, как остановились несколько машин и как к нему устремились люди. Последнее, что он слышал удивительно отчетливо, так, что слова врезались в мозг забитым

по шляпку гвоздем: «Да, этот парень просто в рубашке родился!» А потом все окутал непроницаемый мрак...

2

Лантаров очнулся, как после непосильного похмелья. Ему показалось, что все тело его помещено в громадный свинцовый панцирь, стянуто неумолимой смирительной рубашкой, впившейся в глубины организма и обескровившей его. Голова была заполнена чуждым тяжелым материалом. Она была так яростно сдавлена обручем, что в ней, казалось, навечно засело отупляющее напряжение. Действительность то расплывалась и ускользала, то ходила ходуном, как если бы он распластался на днище лодки, качающейся на волнах. Его тошнило. Осторожно и несмело он приоткрыл глаза и сразу зажмурился, изумленный резким светом. Помещение с высоким потолком было залито сверхъестественно холодным, пронизывающим светом, который лился, кажется, со всех сторон. Витал назойливый запах хлорамина и еще чего-то сугубо больничного. Но очень скоро какая-то сила накатила на его веки. У него зарябило в глазах, и невероятная усталость обволокла все пеленой тумана. И Лантаров неохотно поддался этой усталости, осознавая, что снова проваливается вместе с койкой в темный бездонный проем преисподней.

Неизвестно, сколько времени он находился в состоянии невесомого парения, когда его разбудил негромкий, спокойный голос. Очнувшись, Лантаров увидел перед собой худое, изрезанное морщинами, интеллигентное лицо со спокойными, внимательно изучающими его глазами. Из-под края бирюзового воротничка человека выбивались совершенно белые, будто пластиковые, кольца седых волос. Резкие, прямолинейные запахи, яркий свет, строгая белизна вокруг, суровое лицо – все неуютные детали указывали на взыскательность медицинского учреждения. «Живой...» – с трудом подумал он, поражаясь тому, что даже мыслям тяжело пробиться наружу, точно все его сознание было замуровано под толщей бетона и он видел весь мир через небольшую, оставленную невидимым палачом, щелку.

Доктор между тем разговаривал с кем-то с рассудительностью человека, знающего гораздо больше, чем кто бы то ни было в этом помещении. «Та-ак, яс-нень-ко», – повторил он несколько раз, медленно растягивая будто бы ничего не значащие слова. Но в сочетании с напряженной позой медицинского волхва, его сосредоточенным лицом и колючим взглядом слова эти приобретали настораживающий и пугающий неведомой, жуткой неотвратимостью смысл. От повышенного внимания к его телу, которое Лантаров почему-то не чувствовал, ему стало неприятно и сухо во рту. Он хотел было облизать губы, но не смог – язык был непослушным, опухшим и чужим. Пациент сразу почувствовал себя незащищенным под этим настойчивым взглядом, и непроизвольно возникла потребность жалобно позвать маму и заплакать. Так смотрят на лабораторных крыс, когда изучают изменения в их поведении после дозы испытуемого вещества.

Двигать как-то странно уложенной на подушке головой Лантаров не мог, водить же глазами ему было больно – от напряжения глаз сразу возникала резь. Доктор был виден то отчетливо, то в каком-то тумане. И все-таки реальность расплывалась и подрагивала, как если бы смотрел он не на человека, а на его отражение в тихо колышущейся воде. «Уж не во сне ли все это? Может, этот голос – просто скверная галлюцинация?» – сам собою явился будто бы логичный вопрос. Но позади по-спартански спокойного врача он узрел часть как будто женского силуэта. Лица ассистента или ассистентки не было видно. Но до его ушей снова донесся голос, чеканящий фразы с покровительственной интонацией пророка:

– Да, Наталья Егоровна, я определенно уверен, что всякие аварии и катастрофы – это рефлексия подсознания, какой-то, знаете ли, ответ на определенное состояние психики. – Врач

качал головой, внимательно разглядывая распластанное тело. Лантаров невольно подумал, что ведь именно этот словоохотливый человек вершит его судьбу. Медик с выражением посвященного в особые тайны тела продолжал осмотр, будто не признавая присутствия самого больного в качестве способного мыслить индивида. Больной же только теперь сообразил, что сам он даже не видит своего тела, ибо голова его была несколько повернута в сторону, а самостоятельно изменить ее положение он не мог. Да и одеяло странно возвышалось, будто его специально сложили горкой у него на животе. Голова казалась пришитой к подушке. Ему почему-то вспомнился сказочный Гулливер, мелькнула шальная мысль: «А может, это все-таки сон, коварный мираж из страшной сказки, которая сейчас закончится, он проснется, встанет с кровати и уйдет?» Но ничего не исчезало, а, напротив, действительность надвигалась на него тяжеловесным катком, словно укатывая в асфальт. Единственное, что ему оставалось делать, так это некоторое время с молчаливой, монашеской смиренностью наблюдать за тем, кто старательно проделывал какие-то таинственные манипуляции с его нечувствительным, кажущимся чужим, телом.

Не дождавшись ответа, светило медицины продолжало извлекать из себя пространные рассуждения.

– Несчастные случаи – это определенно притянутые ситуации, верно? – Сопровождение доктора хранило упорное молчание, но его это, по всей видимости, нисколько не смущало. – Раздражение, гнев, обида и прочие негативные эмоции могут нести, так сказать, ускоренную программу саморазрушения.

Лантаров, то и дело зашторивая уставшие глаза тяжелыми веками, подумал: «Это что, он обо мне, что ли? Гадкий все-таки этот врач!» Затем доктор продолжил странный разговор как бы с собой.

– Конечно, когда речь идет о массовых катастрофах, природных катаклизмах или войнах, в эпицентр столкновения разрушительных энергий попадает много безвинных людей. Это уже прямой ответ Земли, рефлексия Вселенной. Я, однако, верю в строгую индивидуальную ответственность. Вот вы, Наталья Егоровна, праведно живете?

Женщина так и не проронила ни слова, и Кирилл заключил, что это, вероятно, ассистентка или врач со статусом пониже.

«Да обратите же наконец на меня внимание, дайте мне воды», – мысленно призывал Лантаров со злым взглядом из-под налившихся усталостью век.

Неожиданно ассистентка переместилась в пространстве, и в его поле зрения влезло массивное туловище еще молодой, но очень полной женщины в чистом, идеально отутюженном халате. Вызывая болезненную резь в глазах, белый халат заслонила все. Ничего более не оставалось, как смотреть на кусок отполированной утюгом ткани осоловевшими глазами. Он опять поймал себя на мысли, что вызывающе яркий, наглый свет ламп и отчетливо едкий, ненавистный запах больницы сводят его с ума. Но вот халат отодвинулся, и беспомощно распластавшийся больной увидел робкий луч другого света, солнечного, настоящего, земного. Этот слабый, несмелый луч вдруг несказанно обрадовал его. Игриво и робко, словно озираясь по сторонам, он пробивал себе дорогу в это заурядное помещение со слишком правильным, слишком прямолинейным и казавшимся безжизненным порядком, внося в него маленькую стихию подлинной жизни. Той развязной и шальной жизни, которая ни о чем не думает, дышит полной грудью, озорничает, безудержно танцует, пока не столкнется впервые с мертвенно бледным, окаменевшим ликом смерти. Будто вспомнив, где он, Лантаров одними глазами перевел взгляд на продуманно выстроенные в помещении предметы, и ему показалось, что они находятся в состоянии тревожного оцепенения, как будто строй новобранцев, получивший команду «смирно». В таком порядке не живут, в такой порядок не приходят в гости. Сюда попадают случайно, чтобы встряхнуться и убежать, забыв навсегда весь его ужас. «И сюда, – вдруг с холодным ужасом подумалось Кириллу, – попадают умирать...» Но нет! Все же лучик сиг-

нализировал: жизнь существует и она продолжается. Она – вечна! В этот момент маленький робкий лучик казался ему олицетворением свободы, несокрушимой, хотя и изменчивой, беззаботно играющей с ним, как осенний ветер играет с упавшим листом, и все же убеждающей: ничего еще не потеряно, жить можно и нужно.

Наконец до его слуха донеслось несколько сухих, пугающих незнакомыми словами, фраз врача. Лантаров не понимал значения большинства слов, но уловил неутешительные перспективы, от которых его сознание обрушилось подобно прогнившему дереву в ветреную погоду. «Да пошли вы все...!» – Кирилл мысленно отправил умного доктора и его дородную помощницу куда подальше. «Не все еще потеряно, дружище!» – подмигивал танцующий луч света. И он успокоился, затих и снова закрыл глаза.

3

Очнувшись, Лантаров с удивлением обнаружил, что теперь он уже находится в помещении не один. В небольшой палате были компактно выстроены еще пять коек, все без исключения занятые растянутыми в ужасающих позах, переломанными, вдребезги разбитыми человеческими телами. Койки стояли так невообразимо близко одна от другой, что прямо перед глазами он видел кусочек открытого желтого человеческого тела с вонзенной в него металлической спицей. Когда Кирилл посмотрел на соседа справа впервые, у него выступил холодный пот на лбу. «А что, если и я такой же поломанный и пронзенный спицами?» – мысль эта показала отвратительной и с той минуты стала преследовать его неотступно. «Почему их стало так много, ведь я, кажется, был в палате один?» Он ощущал себя теперь хрупкой фарфоровой вазой, разлетевшейся от удара о пол, затем кем-то наскоро склеенной.

Теперь в палате было вовсе не так бело, простыни и наволочки на подушках имели серый оттенок заношенности. Медицинский запах тут был гораздо острее, но даже его перебивали какие-то новые, неведомые, возмущающие и оскорбляющие его ощущения, вызывающие неприятные ассоциации в воображении. Забрёдавший в палату медицинский персонал был несколько иным: тут работали почти бесполое, по большей части неопрятные тетки в медицинских брючных изрядно мятых костюмах голубоватого или бирюзового цвета, расплывшиеся, похожие на утрамбованные мешки и при этом невероятно сильные, с цепкими руками. Две такие дородные сестры почти без труда могли поменять простынь у прикованного растяжками больного. Сначала Лантаров изумился обнаруженной картине, а затем устранился внезапно открывшейся реальности. Интуитивно молодой человек стал постепенно осознавать, что непостижимым образом попал в иной, чуждый ему мир. Параллельный тому миру, в котором он обитал до этого, и не пересекающийся с ним. Он, правда, не помнил деталей своей прежней жизни, зато ясно чувствовал свою чужеродность на этом тусклом дне жизни, где уныло существовали полуголодные люмпены, безропотно терпящие боль, отрешенно плывущие в утлых посудинах сквозь безбрежное море скорби. Он так не умел и чувствовал себя неженкой в сравнении с ними. Какая-то властная, обладающая безграничным могуществом рука хитроумно перетасовала карты его жизни, спутав ориентиры до неузнаваемости, сотворив для загнанного в казематы сознания экзотическую пытку.

Ошарашенный открытием, он даже не сумел ничего ответить, когда сосед на койке слева добродушно подмигнул ему:

– С пробуждением! Теперь дело к поправке.

В ответ Лантаров лишь промычал что-то невнятное. Внешний вид этого соседа вовсе не располагал к разговору: в густых, давно немых космах, с разросшейся зарослями бородой и взъерошенными бровями он походил на нечто среднее между сказочным Карабасом Барабасом и шотландским философом Томасом Карлейлем.

– Видно, тебя здорово угораздило, не всякая голова такое выдержит, – не унимался сосед, сделав пальцем красноречивое движение у своей головы. – Но теперь уже все обошлось, ты, видать, счастливчик.

«Подбадривает? Себя лучше заговаривай, старый пень!» – Лантаров только насупился и посмотрел исподлобья на говорившего.

Тот, очевидно, понял несвоевременность вмешательства и, откинувшись на подушке, взялся за какую-то толстую потрепанную книгу. Лантаров же искоса недоброжелательно, но без любопытства поглядел на ногу соседа, подвешенную на растяжке. Из нее торчали спицы, от которых глазу становилось дурно, и было нечто изумляющее в том, как хозяин этой ноги относился к ситуации. Как будто все нормально, как будто именно так и должно быть! Он так не мог. У него все внутри выворачивается наизнанку от одной только мысли о собственном изуродованном теле. И Лантаров осторожно, почти украдкой протянул руку, чтобы пощупать свое лицо. Тяжелая и непослушная, подрагивающая, как при старческом треморе, рука после основательного усилия повиновалась, и он опасливо приблизил ее лицу. И с ужасом почувствовал, как негнущиеся, слабые пальцы уткнулись в пухлую гематому на лице. Ему стало жутко. Но жажда жизни была в нем еще сильна, и, преодолевая боль и тошноту, он старательно исследовал свое тело. Руки были целы, только правое плечо ныло от неутихающей боли. Он стал ощупывать ниже, боясь взглянуть на собственные конечности, и... внезапно наткнулся на что-то металлическое, пугающее неотвратимостью. Что-то инородное зловещим каркасом опоясывало все его тело. Не столько от боли, сколько от ужаса Лантаров закусил губу и застыл от бессилия и безысходности. Он чувствовал, как капельки холодного пота появились на лбу, затем стали медленно скатываться к вискам. Глаза его увлажнились от слез жалости к себе. «Что же теперь будет? Какая злая сила так подшутила надо мною, и как теперь жить дальше?» – страдальчески спрашивал он себя и не находил ответа.

4

Первый же осознанный разговор с доктором на утреннем обходе шокировал Лантарова грозной правдой. Он был потрясен тем, что оказался не в состоянии ответить на очень многие простые вопросы. Он сумел назвать себя и уверенно сказал, что его предыдущая жизнь была связана с автомобилями. Но на этом его знания о себе самым неожиданным образом обрывались – память решила сыграть с ним коварную шутку. Он наверняка знал, что обитал где-то в Киеве, но где конкретно – понятия не имел. Когда внимательно рассматривающий его доктор спросил, есть ли у него мать, или отец, или еще какие-то родственники, Лантарова охватило непривычное, сковывающее оцепенение, а там, где должны были всплывать картинки, возникло лишь расплывчатое, темное, вызывающее неприятные ощущения пятно. Когда же из уст врача впервые прозвучало словосочетание «перелом таза со смещением», «перелом повздошной и двух лонных костей», у Лантарова вдруг закружилась голова и действительность темными кругами опять поплыла перед глазами. Ему стало казаться, что он на просмотре фильма, а доктор – эрудированный, неправдоподобно компетентный персонаж, который по сюжету должен раскрутить сложный клубок превращений. Спросить, как долго может продлиться лечение, больной оказался не в состоянии.

Когда врач стал разговаривать с другими обитателями палаты, рассеянно-стеклянный взгляд Лантарова еще долго блуждал по серому, в трещинах потолку. «Ого! Вот это приплыл...» – удрученно прошептал он сам себе. Положение это казалось таким нелепым наваждением, как если бы он превратился в маленького беспомощного жучка под подошвой ботинка великана и вот-вот будет раздавлен.

К вечеру Лантарову уже казалось, что он лежит привинченным к жесткой больничной койке целую вечность. Время и пространство, прошлое и настоящее – все невообразимо сме-

шалось и слилось, и он очутился во вневременном провале, связанный с бытием единственной нитью – этой затхлой больничной палатой, которая сама походила на темную дыру бесконечности. Он не помнил, когда, где и кем он был раньше. Будто разбитый параличом, он едва понимал, что проделывали с его телом. Порой в этом полусне возникали чьи-то пронизательные глаза, откуда-то сверху заглядывающие в самое нутро, в самую его душу. Он боялся этого взгляда, который временами превращался в укоризненный взор кого-то бестелесного. Все время его окутывала невиданная слабость; он просыпался и уже чувствовал невероятную усталость, истощенность и головокружение, противостоять которым он был не в состоянии. А если вдруг пытался проявлять настойчивость и думать, тут же невидимые грозные сущности начинали колотить его по внутренней части затылка так, что голова начинала ломиться от нечеловеческой боли. И тогда он со стоном закрывал глаза и попадал в пластиковую капсулу, в которой покорно плавал в невесомости невольником бредового забытья.

Впервые в своей сознательной жизни он не мог восстановить цепь минувших событий, и это действовало угнетающе. В какой-то момент Лантаров ощутил себя бесконечно оторванным от всего мира, на диком, необитаемом острове, абсолютно беспомощный и зависимый.

И все-таки жизнь возвращалась в его тело – ведь он был молод и еще полон сил. На следующее утро, основательно проголодавшись, Лантаров впервые съел несколько ложек каши – пресной, студенистой, оползнем располагающейся в щербатой тарелке. Он подобрал кашу вместе с маслом и, преодолевая отвращение, отправил в рот с такой яростной решимостью, как кочегар бросает в топку лопату угля. На том все и кончилось. Няня, сухая пожилая женщина с добрыми и глупыми глазами, собирая посуду, посмотрела на него с укоризной, но удержалась от комментариев.

– Будешь орех?

Лантаров вздрогнул от голоса соседа – низкого, грубого, хриповатого, как у отъявленного разбойника из лесов, где промышлял Робин Гуд. Он услышал треск ореховой скорлупы и посмотрел на большие грубые и, как ему показалось, очень сильные руки, давившие орехи. Такие жесткие жилистые руки с подвижными пальцами и выпирающими костяшками должны принадлежать если не кузнецу или землепашцу, то точно убийце.

– Так что?

Лантаров перевел взгляд на лицо – на нем отражалась не то усмешка, не то ирония, борода служила добротной маскировкой эмоций. Лантаров отчего-то отрицательно замотал головой, даже не подумав над ответом. А через секунду уже с сожалением подумал, что, в самом деле, слопал бы пару грецких орехов, которые казались вполне съедобными на фоне больничной баланды. Сосед же, вероятно, прочитал его мысли.

– На, возьми вот, очищенные. – И он протянул руку со щедрой горстью. – Я сам сушил, толковые орехи.

«Как орехи могут быть толковыми?» – подумал Лантаров, впервые вытягивая конечность за пределы койки. Он вовсе оторопел, когда подставил свою маленькую худую ладонь под узловатую, мужицкую, всю в волосистой поросли, руку незнакомца.

Орехи действительно были сытными. Правда, и они показались почти безвкусными. Но все-таки это была пища богов в сравнении с несъедобной кашей.

– Тебя как зовут? – просипел сосед.

– Кирилл...

– А меня Шурой. Будем общаться, а то иначе тут закинуть можно.

На том беседа и кончилась. Больше всего Кирилла удивляла непрерывная деятельность этого непохожего на других пациента: он все время что-то теребил руками, что-то читал, обдумывал или записывал в небольшой блокнот. Как будто страдал от избытка энергии. Лантаров с досадой подумал, что сам он, наоборот, умирает от бессилия. Руку поднять и дотянуться до головы – уже непосильный труд.

Голова его по-прежнему пребывала в наркотическом дурмане – она гудела, как котел, который ударили чем-то увесистым. Но синяки и припухлости постепенно сползали с его лица, бледного и болезненного. Если бы кто-то поднес к его глазам зеркальце, он бы в порыве ужаса отшатнулся бы, потому что это осунувшееся, помятое, горемычное лицо принадлежало другому человеку. Но главное – он по-прежнему ничего не помнил. Смотрел в окошко своего возвращенного сознания и с изумлением обнаруживал его запотевшим, матовым – разглядеть прошлое оказывалось невыносимо. Нет, он точно знал, что он, Кирилл Лантаров, где-то он живет и непременно чем-то занимается. Но куда пропали детали? Удручающая беспомощность навалилась на него сковывающим оцепенением, казалось, навсегда растоптала смятенную память. На весь мир он стал смотреть остывшими и безучастными глазами, даже тогда, когда дебелые медсестры, соблюдая осторожность, настойчиво поворачивали его тело набок, дабы уберечь от пролежней.

Его не слишком поразил тот факт, что все тут в палате знают довольно много друг о друге, а о его судьбе – даже больше, чем он сам. И через некоторое время Лантаров с несвязных, расплывчатых осколков чужих фраз мог восстановить произошедшее с ним на ковельском шоссе. Он долго и основательно жевал мякиш этих слов, пока не увидел воображаемое кино из нескольких кувырков автомобиля в кювете, скользящего под острым углом, столкновения с тридцатиметровой сосной и затем сильного удара по касательной во второе дерево. Там, с расплюснутым носом, обезображенная и невыносимо изуродованная, как жестяная банка, машина замерла с задранной к небу капотом. Но это не была картинка его памяти, в сознании Лантарова занозой застрял лишь чей-то сочувственный набросок.

В таком плену меняющихся состояний Кирилл постиг, что все обитатели палаты – случайно выжившие счастливики. Недвижимый тучный мужчина у самого окна был единственным оставшимся в живых после лобового столкновения двух автомобилей; он теперь лежал, как в гинекологическом кресле, с растянутыми вширь ногами. Другой персонаж, расположившийся у противоположной стены, напротив его койки, пьяным перелезил с балкона на балкон и выпал с пятого этажа. Если бы Кирилл был способен удивляться, то удивился бы, ведь этот тип отделался легче всех остальных обитателей палаты. Иногда Кирилл видел его помятую переднюю часть головы, и черные похмельные круги под глазами казались ему большими подрисованными глазами. Соседа справа он почти не видел, потому что его не переворачивали на правый бок. Зато отчетливо слышал его стоны, вздохи, напоминающие стенания женщины. О нем упоминали как о молодом парне, который был случайно изувечен в парке, вкушая адреналин на замысловатом аттракционе. Что-то там внезапно и в самый неподходящий момент лопнуло, и вот теперь парень надолго залег с тяжелыми переломами. Наконец, заговоривший с ним сосед, что лежал на растяжке ноги с добротной гирей, пострадал в лесу. То ли он сам упал с дерева, то ли дерево угодило ему на ногу – Лантаров не разобрал...

Чем больше молодой человек приходил в сознание, тем с большим трепетом и откровенным ужасом взирал на себя самого, и, кажется, только наличие в палате других, чужих людей удерживало его от надрывного, душераздирающего крика. Теперь на него наваливались волны боли в нижней части тела, где-то у таза. Где точно, он бы не показал, ему казалось, что там во время таких приливов болело все. К счастью, такие периоды длились не слишком долго, а после очередного укола он опять впадал в сомнабулическое состояние существа, застрявшего между двумя мирами, между небом и землей. Но гораздо больше Лантарова беспокоило устрашающее металлическое кольцо вокруг его тела, оно вызывало неподдельный трепет и панику, особенно, если ему случалось проснуться ночью и вспомнить об этом. Озноб бил его при всякой мысли о том, что до конца жизни он может остаться прикованным к постели. Чудовищная, невыносимая мысль! «Получишь удостоверение инвалида, и все твоё счастье отныне будет заключаться в том, чтобы тебе вовремя подали металлическую утку!» Эта мысль внезапно обожгла его, когда

он впервые увидел, как мучительно немощному больному проделывать эту физиологическую процедуру. «Лучше бы я сдох!»

Глава вторая Убойная палата

1

В течение первых двух дней, когда Лантаров стал понимать происходящее вокруг, он отметил, что к другим больным приходили посетители. Он невольно прослушал разговоры в палате, узнав немало любопытных деталей. Промелькнувшая в чужой беседе фраза о том, что необходимо давать деньги медсестрам, неприятно кольнула его. А ведь он совсем забыл о деньгах... Человек без денег – букашка! И за пребывание в больнице, вероятно, также следует платить. Лантаров содрогнулся при этой мысли. Но у него обязательно должны быть деньги, просто сейчас он ничего о них не помнил... «Может быть, – возникла у него шальная мысль, – тщательные расспросы доктора о родственниках как раз и связаны с денежным вопросом?»

Другого пациента – отъявленного пьяницу, выпавшего с пятого этажа, – пришедшие к нему жена и маленький сынишка тщательно vybrили. Лантаров краем глаза видел, как скромно одетые посетители с особенной заботой возились с любителем возлияний: мальчик с необыкновенной серьезностью держал емкость с принесенной в термосе горячей водой, а женщина старательно убирала дешевым станочком щетину. Кирилл осторожно дотянулся рукой до своего подбородка: так и есть, он зарос, как дикобраз.

Блуждая взглядом, Лантаров обнаружил за окном с доисторической, облупившейся деревянной рамой ветку каштана – она покачивалась в легких порывах ветерка и приветливо махала ему пестрыми от осенних красок листьями, каждый был похож на замысловатую пятерню.

Но затем беспокойные мысли Кирилла переметнулись на другую колею. Почему его никто не навещал? Настороженное сознание Лантарова подсказывало, что тут что-то не так. Ведь должны же быть какие-то родственники, приятели, коллеги по работе, наконец. Где-то же он работал! Он точно помнил, что легко и много общался с людьми, но ущемленная память отказывалась воспроизводить их лица. Холодный пот выступил у него на лбу: «А вдруг я вообще ничего не вспомню?! Как тогда жить дальше?!»

Из омута тревожных раздумий его вырвал сосед Шура – единственный человек, который пытался с ним общаться. Этот ушлый, неунывающий пациент каким-то образом убедил врача разрешить ему прогулки, и после того как медсестра помогла освободиться от гири, вытащил из-под кровати неизвестно как появившиеся там костыли. Весело подмигнув Лантарову, он уже возвышался над кроватью в полной готовности отправиться за пределы палаты.

– Ну, что, пойду прогуляюсь, пока не стемнело. Деваху привести в гости?

Бородач проговорил это с деланой веселостью, видно, намереваясь развеселить его, но вызвал у него только непроизвольный прилив ярости. Он хотел было демонстративно отвернуться, чтобы выразить свое негодование, но вдруг его осенила мысль.

– А можно я пока книгу полистаю? – спросил Лантаров.

– Конечно, – не задумываясь ответил тот. Пухлый томик с уже облезлой от времени обложкой оказался перед глазами. – Читай, Кирилл, чтение отвлекает от дурных мыслей.

Лантаров даже вздрогнул – он, оказывается, забыл звук собственного имени. А этот диковатый человек запомнил. Тронутый вниманием, он взял книгу и прошептал:

– Спасибо...

Затем еще долго провожал глазами Шуру, который упорно ковылял к двери.

Удивительный этот бородач! Интересно, сколько ему лет, шестьдесят, наверное? А он Шурой назвался, как юноша. С виду – просто бомж, рубаха висит, как на вешалке. Но тут, в этой утробной палате, единственный, у кого есть книга, – читает. Тыкать ему, вроде, неприлично, а выкать – глупо. Какой-то он не такой, как все... Охотно, хотя и очень немного, общается с окружающими, – глаза у него невероятно подвижные и излучающие доброту... Каждому обитателю палаты выдает шутки...

Когда же Шура скрылся в дверном проеме, Лантаров взялся за книгу. Томик был очень старый, с пожелтевшими от времени блеклыми страницами. Видно, пылился он десятилетиями на чьей-то полке, а то и на чердаке, пока не переключался к этому Шуру. Книга называлась «Письма из Ламбарене», имя автора Лантаров узнать не потрудился. В начале книги он увидел черно-белый портрет какого-то пожилого человека с пышными усами в старомодном фраке. С пером этот человек сидел перед стопкой исписанных листов; его взгляд, пристальный и глубокий, был устремлен на кого-то невидимого. Лантаров лишь на несколько мгновений задержал свое внимание на этом портрете: его поразила рука мужчины, несуразно держащая перо, – крепкая, увесистая, с большими пальцами, она скорее походила на руку мужика-землепашца, чем автора книги. Невольно Лантаров сравнил руку писателя со своей рукой – тонкой, изящной, с длинными пальцами, похожими, как он воображал, на пальцы пианиста. «Вот какими должны быть руки писателя», – отчего-то подумал он и стал листать книгу, попробовал немного почитать. Но чтение не шло, буквы расплывались перед глазами, да и томик оказался тяжелым для его ослабевших ватных рук. Правда, запах от нее исходил приятный – древесно-типографский, несущий волну уже испытываемых когда-то впечатлений, очевидно, из беззаботной поры ранней юности. И точно, хотя не возникало визуальных воспоминаний, Лантаров был убежден, что когда-то читал книги. Несколько раз открыв книгу наугад, он наткнулся на фотографии негров, что-то строивших вместе с автором книги. Но основательно зацепиться глазами за текст он так и не сумел. В одном месте речь шла о борьбе с дизентерией, в другом – о быте африканских туземцев, и даже история об агрессивных гиппопотамов, напавших на каное с гребцами, его не заинтересовала. Он хотел аккуратно положить книгу на тумбочку, но она вывалилась из рук, упав на пол.

– Эй, там все в порядке? – донесся до Лантарова чей-то слегка обеспокоенный голос.

– Да это книга... – со вздохом объяснил Лантаров, его уже одолевала болезненная дремота.

Когда он очнулся, Шура невозмутимо лежал на кровати с прежней растяжкой и, водрузив книгу на груди, читал. Лицо его было таким светлым, озаренным необъяснимой полуулыбкой, будто он находился не в палате, а лежал на морском берегу фешенебельного курорта.

– Она случайно упала, я не смог поднять... – пояснил ему Лантаров.

– Да ничего, – улыбнулся Шура в ответ, слегка повернув голову, – что ей сделается. –

А затем, пристально посмотрев, спросил:

– Не понравилась?

– Да что-то не очень... – попробовал объясниться Лантаров, но бородач опередил его.

– Действительно, специфическая книга, такие сейчас мало кто читает. Но очень толковая. Потом когда-нибудь осилишь, когда придешь в форму. У меня еще одна есть, захочешь полистать, скажи.

2

– Привет, старик, пришли вот на разведку, разогнать твою тоску, – с наигранной веселостью заявил вошедший в палату высокий парень, который после заготовленной фразы остановился у кровати Лантарова и тут же упрятал руки в карманы брюк. Вероятно, внутренний мир убойной палаты, как между собой говорили о ней медсестры, поубавил решимости посетителя.

Он был в добротном, хорошо скроенном и, по всей видимости, дорогом костюме, поверх которого небрежно накинутый, заношенный бело-серый халат выглядел явно не на своем месте. Его немного вытянутое лицо с выдающимся вперед подбородком, полными, как у любвеобильных красоток, губами и крючковатым воинственным носом показалось Лантарову до боли знакомым. Когда гость повернул голову к товарищу, Лантаров увидел у него в правом ухе мужскую сережку в виде пугающего блеском скорпиона с бриллиантовой точкой-глазом. Эта безделушка, да и тембр голоса, жесты, манерность – все указывало Лантарову на то, что он хорошо знал этого человека, но зловещее отсутствие воспоминаний его испугало. Вслед за первым гостем в палату проворно прошмыгнул еще один парень, заметно ниже ростом, совсем шуплый, в очках в золотой оправе, какие придают сходство с удачливым адвокатом или преуспевающим ассистентом известного хирурга. Так передвигаются люди, привыкшие поспевать за начальником, превращаясь в его вездесущую тень. Парень тоже кивнул, но без улыбки. Опасливо, словно это был аттракцион ужасов, он озирал палату и ее горемычных обитателей. И особенно задело Лантарова, как лицо этого парня непроизвольно вытянулось, когда его взгляд неожиданно уткнулся в выглядывающий из-под простыни металлический корсет вокруг пояса Кирилла. Второго парня Лантаров тоже где-то видел, но так же не помнил, где именно.

– Так, Артем, доставай, – дал знак первый, но вдруг решительно взял у него из рук пакет и сам стал по-хозяйски выкладывать на тумбочку провизию: цитрусовые, бананы, яблоки, соки и, наконец, пышный и пахучий, как экзотический цветок, ананас. Весь этот процесс сопровождался комментариями, за которым легко угадывалась неуверенность. Больничный халат, накинутый на плечи, был ему слишком мал, он походил на детскую распашонку и сковывал движения. Из-за этого гость то и дело раздраженным жестом оправлял его полу. Тот же, кого назвали Артемом, кажется, несколько оробел, потому что переминался с ноги на ногу, криво улыбаясь закрытым ртом и несколько настороженно косясь теперь на подвешенную растяжкой правую ногу соседа Лантарова. Медицинский халат укрывал его, как бурка, а он к тому же еще и придерживал его за полы изнутри, словно желая получше запахнуть. Было видно, что зрелище это вызывало у него неприятные ощущения.

В каждом движении гостей, в их суетливости и напряженности сквозила недосказанность, не ускользнувшая от Лантарова.

– Да-а, дружище, потрепало тебя... Но ты не переживай, жизнь всегда состоит из полос: белая – серая, белая – серая. У тебя, брат, немного посерело, а значит, что скоро наступит белая полоса. Вот так!

Гость старался говорить убедительно, но Лантаров снова почувствовал, что мысли его находятся далеко от палаты. Обращение «брат», оброненное фамильярно и несколько высокомерно, ничуть не приблизило его к разгадке личности заботливого посетителя. Напротив, обдало ветром отчужденности. Что-то того беспокоило, он хочет задать какой-то вопрос, но не решается. Оттого и дергается. Лантаров удивлялся остроте своего восприятия: он все понимал, всему мог дать оценку, замечал всяческие детали, но совершенно не мог общаться. Стараясь скрыть свое тревожное состояние, он счел необходимым помалкивать, отвечая тусклым, рассеянным, маловыразительным взглядом.

Вдруг высокий парень в костюме решительно пододвинул поближе к изголовью кровати Лантарова стул и уселся на него.

Парень приблизился к его лицу и тихо, чтобы не слышали соседи рядом, спросил тоном заговорщика:

– Кирюха, а вещи твои не знаешь где?

– Какие вещи? – Лантаров смешался, чувствуя приближение чего-то недоброго. Он лежал все так же неподвижно, отвечая слабым голосом, одними губами.

– Ну, документы, деньги, мобильник, часы... Может, чего помнишь?

«А ведь правда, – вспомнил Лантаров, – ведь все это было. Какое-то наваждение!» Он ровным счетом ничего не мог вспомнить и объяснить.

– Не знаю... – промычал он в ответ тихо и жалобно. В другом конце палаты кто-то громко, беспардонно закашлялся, как бы напоминая, что они вовсе не одни в этом печальном вместилище человеческой юдоли.

– Хреново! Врачи тут говорят, что тебя без ничего привезли... Да и над машиной твоей так поработали, что остался только лом. Все, что дышало, повывергивали...

Лицо гостя изменилось, сделавшись злым, на нем проступили черты скрываемой до этого жестокости. Лантаров непроизвольно сжался, съежился. Затем лицо знакомого незнакомца опять приблизилось, и полные влажные губы тихо прогнусавили:

– Десять косарей пропало, Кирюха! А это, брат, очень хреново, потому что мы в убытке, нас заказчик прессует...

От этих слов во рту у Лантарова начало пылать, как в пустыне. Лица гостей стали расплываться. Он видел перед собой двусмысленное выражение лица этого человека, за оболочкой учтивости теперь легко можно было прочесть холодную безотлагательную требовательность и беспринципность матерого игрока. Это обескуражило Лантарова, но он был слишком раздавлен собственной слабостью, чтобы отыскать аргумент в свою защиту. «Ну, где же я видел этот нос?» – вертелось у него в голове, и уже начинался тот характерный неумолимый звон, после которого – он уже хорошо это знал – вот-вот возникнет бомбометание в мозг.

Между тем второму парню, кажется, тоже сделалось нехорошо. Он стоял рядом молчаливо, словно бледный паж. На его обескровленном впечатлениями лице с первой минуты пребывания в палате застыла откровенная гримаса брезгливости.

– Так ты в самом деле ничего не помнишь? – еще раз для верности уточнил гость.

Лантаров не ответил, только заморгал ему вместо ответа.

– Влад, он же без сознания был... – услужливо подсказал ему очкарик.

Тот, кого называли Владом, задумался, устремив прищуренный взгляд куда-то вверх, его пальцы стали нервно поглаживать подбородок. Повисла неловкая пауза.

– Почему тогда эта срань в халатах ничего не знает? – громко, не стесняясь, разразился тирадой Влад, обращаясь к приятелю, и хлопнул от досады ладошкой по ляжке. Казалось, сейчас он совсем не обращал внимания ни на Лантарова, ни на возможность случайного прихода кого-нибудь из медперсонала. Но затем он словно спохватился и снова повернулся к нему:

– Ладно, Кирюха, не бойсь, вытащим тебя отсюда. Но и ты пошевели мозгами, может, что надумаешь.

Лантаров смотрел на них немигающими, несколько смущенными глазами человека, отлученного от дел. В их жестах было много фальши, а от позорной имитации игры в друзей-партнеров у него внутри все опускалось. С внимательностью, на которую способны только больные или обреченные люди, он всматривался в их лица и силился вспомнить, что его связывало с ними. И от беспомощности ему хотелось уткнуться в подушку и по-детски заплакать. Ощущения от встречи остались такие же, как у пешехода, мимо которого резво проехал автомобиль, обдав грязными брызгами из-под колес. Когда они прощались, яркая больничная лампа отбрасывала их тени на пустую стену в такой несуразной вариации, что они напоминали крадущихся персонажей детского мультфильма. По очереди гости коснулись его руки: рука Влада была громоздкая холодная и твердая, Артема – маленькая и влажная; но оба прикосновения вызывали одинаковые ощущения нарастающей зыбкости болота. Лантарову надо было что-то сказать на прощание, но язык казался связанным бечевкой с болезненной областью головы: только он пытался открыть рот, как в голове все потуги отдавались гулом, перемешанным с болезненными спазмами. Вконец измученный, он выдавил из себя, как зубную пасту из закончившегося тюбика, слабую улыбку, на деле же вышла довольно кислая мина, гримаса распятого на кресте. Приговоренному редко удается оставаться хозяином положения.

3

– Твои друзья приходили?

Неожиданный голос, поразительно низкий и хриплый, будто доносящийся из колодца, беспардонно ворвался в застывшее сознание Лантарова. В ночном полумраке палаты он казался каким-то потусторонним. Это он, сосед по палате.

– Не знаю, – ответил Кирилл обреченно, – наверное. Или люди, которые были друзьями в том, прежнем мире.

В медленно оживающем, но все еще заторможенном сознании Лантарова мир был четко разделен на «до» и «после» случившегося. В нем возникло и медленно росло ощущение, что какой-то сумасшедший или пьяный стрелочник не так повернул рычаг и его поезд пошел не в ту сторону.

– Как-то не очень они на друзей походят... – с задумчивой рассудительностью продолжил бородач. – А почему не приходит твоя мама?

У Лантарова при этих словах больно кольнуло в груди, а затем возникло странное противоречивое ощущение, засосало под ложечкой, все затрепетало внутри. Какое мягкое и нежное слово «мама»! Вот уж добрых пару часов после наступления темноты Лантаров не мог уснуть и то и дело вздыхал, глядя в окно на невыносимо красивый желтый шар полной луны, подвешенной к небу, точно ажурный светильник. Впрочем, с некоторых пор он имел смутные представления о времени. После ухода гостей он осмотрел запястье левой руки и внезапно вспомнил ощущение наручных часов – они там были. Он почему-то вспомнил, что называл их «шейховскими» – за дороговизну. Подчиняясь злой силе неумолимого волшебства, часы исчезли с руки...

Опять этот назойливый сосед со своими расспросами. «Да пошел ты!» – хотел было зло крикнуть в ответ Лантаров. Меньше всего на свете ему хотелось сейчас кому-либо исповедоваться. Но он сдержался. Слово «мама» вызвало какие-то тектонические сдвиги в душе. С тех пор как он очнулся в палате, это был второй человек, который вспомнил о его матери. Но вспомнил совсем не так, как доктор. Тот осведомился с каким-то въедливым сухим любопытством, за которым пряталась плохо скрываемая корысть. И потому Кирилл представился сиротой, чтобы не было лишних расспросов. И их, действительно, не было.

– У тебя есть мать?

Сосед, кажется, совсем не обращал внимания на его взвинченное состояние. И говорил он спокойно, без пафоса и жалости, но с явным участием, как обычно церковный служитель. Лантаров не отвечал, но повернул голову и посмотрел на говорившего. Тот находился совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки, и хотя и сам лежал на вытяжке с подвешенной к ноге гирей, кажется, вовсе не выглядел несчастным. При свечении полной луны за окном без занавесок отчетливо проступал его профиль; глаза, как и у самого Лантарова, были устремлены сквозь потолок куда-то вдаль, в глубину ночи. Там, на вневременном полотне, вероятно, возникали картины его прежней жизни. Как и голос, неестественно и кукольно выглядела в ночи его густая косматая борода. Несмотря на обретенную способность говорить, Лантаров еще ни разу никому, кроме этого оригинального незнакомца, не сказал ни слова. Не только потому, что ему неприятными и чужими казались обитатели убогой палаты. Да и разговоры у них если и случались, то слишком тоскливые – о болезнях и смерти. Сама атмосфера, пронизанная миазмами разложения, вызывала аллергическое головокружение. Его мысли пытались охватить происходящее, но сознание отказывалось его принимать. Возник чудовищный конфликт – из таких обычно проистекают депрессии и психические болезни.

– У меня вот нет матери, она умерла много лет назад. Так случилось, что я не мог даже проводить ее в последний путь. И очень переживал. Но я всегда ее помнил и сейчас очень отчетливо помню...

Сначала Лантаров беспричинно злился, но через некоторое время его ярость отчего-то сама собой утихомирилась. Непривычным для уха монологом бородач подкупал, располагал к откровенной беседе. Сердце парня было наполнено тоской и одиночеством, в нем, как в холодном пустом доме без окон и дверей, завывал стенающий по любви ветер. В воображении Кирилл даже попытался вспомнить лицо своей матери, но мысли его вдруг отпрянули, как обожженные. В каком-то ином измерении вдруг возникло красивое матовое лицо строгой женщины, и Кирилл увидел ее глаза – как у языческой богини, они излучали величественность и пугающую, сногшибательную пустоту. Как будто глазницы оказывались пустыми, если присмотреться. И со странной отчетливостью Лантаров вспомнил, что мать его жива и что она находится далеко от него, среди шумных, светлых офисов гигантского города, но другого, не Киева. Он даже удивился, потому что даже не напрягал память и воспоминание выскочило, как грабитель из-за угла, вне его воли и желания.

– Моя мать, пожалуй, не придет... – Лантаров произнес эти слова даже не в ответ, а сам по себе, и тут же испугался своего глухого урчащего голоса. Затем немного подумал и со вздохом добавил: – Или, если придет, у меня от этого только настроение испортится...

– С матерью, даже если ты поссорился, стоит помириться при всяких обстоятельствах. У меня такое было, я не попросил прощения, а потом уже было поздно...

– Моя меня не любит... И никогда не любила...

Лантаров снова изумился, что не решился назвать свою мать «мамой». И говорил он как-то интуитивно, не помня деталей. Как будто не сам он произносил слова, а кто-то, живущий внутри его тела и знающий обо всем больше, чем могла сообщить надтреснутая память. А еще Лантаров удивился, что неожиданно для себя стал откровенничать. Он вдруг живо вспомнил, как звучит в телефонной трубке голос матери – лишенный нежности, синтетический, неживой. Что он ей скажет?! Что попал в автомобильную аварию, что лежит недвижимый, как труп? И тут откуда-то из глубин сознания вынырнула кем-то оброненная фраза: если мужик сам впутался в дерьмовую ситуацию, то сам и обязан из нее выпутаться. Кто это сказал? Стоп! Это же отец ему сказал однажды. Вот так просветление! Кириллу показалось, что сработал семафор, позволив его пробуждающейся памяти пройти небольшой отрезок пути. Он несказанно обрадовался этому открытию. Если так, то он способен все вспомнить, пусть даже не сейчас, а позже. А что же до матери, то даже при желании он пока не знает, как с ней связаться.

– Так не бывает. Мать любит всегда, только, может быть, не всегда умеет выразить свои чувства. Если хочешь позвонить или надумаешь позже, у меня есть телефон. Не стесняйся, просто скажи.

Сосед будто прочитал его мысли. Лантаров в ответ только сглотнул слюну. А Шура, приняв, очевидно, молчание за согласие, произнес еще нечто малопонятное:

– Не всегда то, что мы видим или слышим, соответствует действительному положению вещей. Представь себе глаз, который все видит, но не может заглянуть внутрь себя и понять свое собственное устройство...

«Бред», – подумал в ответ Лантаров, но ничего не ответил.

Но и сосед его не тревожил, очевидно, понимая душевное состояние товарища по несчастью. Каждый из них думал о своем, и мысли витали на разных орбитах.

4

– Мама, я хочу, хочу эту машинку. – В глазах малыша лет трех-четырёх чувствовалась твердая, какая-то мрачная сосредоточенность, удивительное, не по возрасту понимание цели.

Он дерзко топал маленькими ножками в синих ботиночках, а его крошечная ручонка, протянутая в сторону вожаемой игрушки, интуитивно делала хватательные движения.

– Нам сейчас не до этого, – строго уведомила его молодая эффектная женщина, наклонившись к своему капризному чаду.

– Ма-ма, – твердости в голоске, едва владеющим словами, не уменьшалось, – ку-пи-и... Женщина приостановилась и затем властно, по-змеиному прошипела на ухо малышу:

– Цыц, а то сейчас получишь у меня!

Она решительно потащила тихо всхлипывающего сына к выходу.

Лантаров отшатнулся от увиденного на внутреннем экране. Он вдруг отчетливо вспомнил, что его отношения с матерью всегда были странными, похожими на туго натянутый канат достаточной длины, чтобы дистанция оставалась ощутимой. Кирилл вспомнил, что жил с вынесенным из детства ощущением, что мать относилась к нему со снисхождением, близким к тихому, тщательно скрываемому презрению. Так, бывает, относятся к купленной породистой служебной собаке, не оправдавшей надежд ни по экстерьеру, ни по части выполнения команд. Лантаров не знал этого, но чувствовал, и это беспокойное ощущение заставляло его содрогаться от спазм незатихающей боли души. Он неожиданно вспомнил нелепую ассоциацию, посещавшую его раньше: будто его детство было заключением, а переход к самостоятельной, взрослой жизни ознаменовался освобождением из тюрьмы и выходом на свободу.

Лантаров застыл, вжавшись в больничную койку, когда картинки его детства становились все ярче и точнее. Мать забеременела в столь юном возрасте, внезапно для себя, что позже сравнила это с заражением, несмотря на немислимо тщательное предохранение и кажущуюся предусмотрительность. Для неожиданного малыша почти не было места в жизни юной, беспечной, артистичной стрекозы, с беспричинным восторгом перелетающей от цветка к цветку. Родившая в восемнадцать с половиной, к моменту вынужденного замужества она все еще оставалась неискушенным ребенком, жаждущим любви, преданности и поклонения. И вдруг появился он, явно лишний, вечно мешающий и требующий внимания. К тому же у нее не было никаких шансов отказаться от нежеланного ребенка, отрицательный рефлекс крови был вызовом судьбы, меткой Всевышнего. Потому недостаток тепла, что с детства отдавался у Кирилла тупой болью под сердцем, с годами вырос до безотчетного отчуждения.

Казалось бы, у Кирилла не было веских оснований утверждать, что мать его не любила. Но область ее чувств всегда оставалась для него непостижимой и непредсказуемой. Мать то прижимала его со всей огненной страстью самки, которая обзавелась потомством; то внезапно, без всякой, как ему казалось, причины отворачивалась от него со всей безжалостностью и строгостью человека, ослепленного самолюбованием и страдающего от болезненной потребности любви. Он никогда не был у матери на первом месте, с самого раннего детства он всегда хорошо знал это. Если она и вылизывала его, то это был, скорее, вопрос престижа, а не проявления материнской нежности. Повзрослев, он осознал: мать любила не его самого, но его положительные качества. Его послушание, его самостоятельное подавление желаний, его шаблонную, удобную ей воспитанность. Чем отчаяннее Кирилл боролся за ее признание и похвалу, тем больше терял себя. Так у него появилось презрение к самому себе.

Перед его внутренним взором возник калейдоскоп картинок из его детства. Как будто в голову кто-то милостиво вмонтировал экран, подключенный невидимыми проводами к его сознанию. Первое ярко-колкое воспоминание было связано с вечным ожиданием матери в детском саду. Он очень отчетливо видел себя среди играющих детей. Вполне сносный, хоть и с трудом терпящий других детей, он тотчас превращался во вредное отребье в детском облике, когда в группу один за другим заглядывали чужие родители. Они быстро выхватывали своих чад из шумного клубка, а он, маленькая неприкаянная душа, холодел от ужаса и растущего напряжения, чувствуя, как захлебывалась игра, как таяла энергия дневной жизни и с нею – свет надежды. Маленькие жители сказочного городка расходились, а его тревога все росла, боль

прибывала волнами, захлестывая с головой, заставляя время от времени судорожно всхлипывать. Последнее казалось воспитательнице – колоритной, холодной даме – капризами, лишеными всякой причины, и ее внутренняя враждебность к сердобольному, излишне сентиментальному мальчику возрастала. Так медленно он тонул едва ли не каждый вечер, удушасмый призрачной пустотой невыразимого детского несчастья. И когда наконец он оставался в группе один, то, забившись в угол, безропотный и раздавленный приступами страха, ожидал молчаливо и угрюмо, боясь выросшего пространства и тишины, из-за которой все находилось в безумном оцепенении, зажатое тисками неопределенности и опустошенности. Лантаров поразило, что так ясно помнит себя маленьким мальчиком, покинутым и ненужным. Но вот из темной пустоты появлялась она, яркая, шумная, взбалмошная, с вычурными жестами, такая близкая и бесконечно желанная. Кирилл сразу успокаивался, его всхлипывания сами собой исчезали. По дороге домой в трамвае он крепко прижимался к своей отстраненной фее, словно желая запастись теплом ее тела, зарядиться, подобно маленькому аккумулятору. Иногда она тихо заговаривала с сыном, интересуясь пустыми, как он полагал, вещами, например, что он кушал на обед или спал ли днем. Но чаще они, не сговариваясь, молчали, думая о своем, и тогда Кирилл с тихим благоговением вдыхал прелестный аромат ее дорогих духов.

А утром все повторялось, и он платил ей душераздирающими воплями, хотя порой хотелось лишь тихо попросить ее: «Мама, мамочка, забери меня отсюда!» Правильная воспитательница, оснащенная неисчерпаемыми педагогическими знаниями, не выдерживала напора, неодобрительно качала головой и чинно удалялась из раздевалки, бормоча под нос одну и ту же гнусавую фразу «Да что ж его, режут что ли?!» На помощь ей приходила старушка нянечка, простоватая и всегда слегка потрепанная и помятая, но обладающая живой доброй мимикой; она быстро хватала Кирилла на руки и уносила в еще пустой зал, знаками показывая матери, чтобы та скорее исчезала из его одурманенного поля зрения.

Гипертрофированно чувствительная память Кирилла зафиксировала отдельные ощущения: как он жаждал забраться к ней на колени и прижаться крепко-крепко, чтобы его оставили едва осознаваемые, но уже навязчивые ощущения покинутости. Но часто такие попытки оканчивались печально: из-за своей неуклюжести и неловкости он невольно причинял ей боль, пачкал одежду или что-то случайно отрывал и тут же со шлепком отлетал от матери, как мячик во время подачи. «Какой же ты косолапый! – возмущалась она, кривя свой красивый рот. – Разве можно так грубо влезать?! Ты меня всю измял, теперь снова надо гладить юбку!» И Кирилл становился неуверенным, порой его сводил с ума простой вопрос: как подойти к маме, что сделать, чтобы она обняла его? Прямо попросить он попросту боялся.

Мальчик долго испытывал удручающие видения из-за боязни темноты. Когда серость полумрака надвигалась на пустую комнату, он, нередко оставляемый матерью в одиночестве, испытывал нестерпимый животный ужас: ему мерещилось, что кто-то невидимый может сейчас же вынырнуть из бездонной пустоты и поглотить его. Порой дикое, полубезумное ощущение, что кто-то смотрит на него из непроглядной темени, доводило его до исступленных конвульсий. Приходя, мать потом долго еще не могла успокоить своего впечатлительного сына.

Но страшнее всего для ребенка было узнать, что он зря появился на свет, что его не ждали. Однажды, когда Кириллу было около шести лет, он, играя на диване пластиковыми солдатиками, оказался невольным слушателем телефонного разговора матери с подругой. Он не понял деталей, ясно было лишь то, что его маму куда-то отчаянно звали. Она ужасно нервничала, как-то судорожно потирая рукой коленку, и говорила, что не может идти. Краем глаза он улавливал ту ее привычную недовольную гримасу, которая появлялась каждый раз, когда мать не желала смириться с непреодолимыми обстоятельствами. Во всей интонации ее голоса, ставшего высоким, прерывистым и едким, чувствовалось ничем не перешибаемое стремление следовать зову, и Кирилла тогда острее, чем когда-либо, пронзила острая боль понимания, что

непреодолимой преградой является именно он, именно он мешает ей наслаждаться жизнью, дышать полной грудью.

– Не могу я, Светик, это ты свободная, а у меня, понимаешь ли, есть маленький вылупок, который держит на привязи... Не сумела придушить вовремя, вот и мучаюсь.

Хотя слово «вылупок» она произнесла иронично-игривым голосом, сквозь переливчато-мягкую тональность ее откровения просочились ядовитые пары сожаления. Кирилл тотчас уловил их и, будто застигнутый врасплох котенок, притаился со своими игрушками. И даже теперь, через много лет, в серой больничной палате у него снова сжалось сердце от чудовищной тоски, как будто кто-то снова уколол туда большой иглой.

Мать тогда все-таки уехала – исполнять задуманное во что бы то ни стало, не считаясь с жертвами, всегда оставалось ее неисправимой чертой. Но именно тогда, в тот зимний вечер, впервые между ними появилась прослойка холодной пустоты, вакуума, который стал непреодолимым к моменту его взросления. Кирилл тогда остался у соседки – неопрятной и скверно пахнущей любительницы одиноких алкогольных возлияний с похмельной, уже давно не женской физиономией и низко дребезжащим, напрочь прокуренным голосом. То была несчастная женщина, от которой несколько лет тому ушел муж. От неожиданно нахлынувшего горя и апатичного оцепенения некогда приветливая и весьма образованная, она за короткое время превратилась в несуразное мрачное существо, стремительно теряющее признаки пола, неминуемо опускающееся, оседающее. Она была подобна рыхлому краю крутого оврага, который еще хватается корнями деревьев за свое прежнее положение, но уже обречен и после одного из роковых дождей обрушится вниз, рассыпавшись мириадами разрозненных, разлетевшихся в безотчетном полете песчинок. Маленький Кирилл знал, что тетя Люба раньше много лет работала в детской библиотеке, а алкогольная зависимость хоть и заставила ее убирать в подъезде, прячась от взглядов людей, как много раз битая, пугливая собака, но не истребила любви к книгам. Бедная и брошенная женщина, гладившая его по голове своей шершавой ладонью, привязала его к себе невероятно интересными историями о жизни других, книжных, невозмутимо счастливых детей. И он забывал, что бывают на свете люди, родившиеся напрасно.

Его часто оставляли одного или на попечении сомнительных дам. Однажды пришла ночь, которая оказалась самой страшной в его детстве. Он не помнил точно, у кого ночевал – у записшей тети Любы или другой соседки. Лихорадка, непрерывный и колкий озноб, серая мусть в глазах, пелена могильного тумана из страшной сказки заслонили собой остальную часть картины. Кирилл помнил, как закричал от страха: он боялся, что дальше случится что-то непоправимое, что он уже никогда не увидит маму. Мир померк. За мальчиком прислали машину «скорой помощи». Его долго рвало, выворачивало наизнанку внутренности, он пылал, как будто его поместили в печь, и бормотал что-то неясное в тяжелом детском бреду. Наконец бледный, заброшенный, он затих на больничной койке. Четко запомнилась лишь чья-то холодная, почти ледяная рука, то и дело опускающаяся на его пылающий лоб. Маленький мальчик тихо плакал, чувствуя, как слезы двумя ручейками пробиваются к горящим вискам и исчезают в глубине волос.

Мама, как всегда яркая, стильно одетая, с румяным, правда, несколько испуганным лицом, приехала в больницу ранним утром. Ее волосы так же пахли, как и всегда, когда она наклонилась над ним, заглядывая в опухшие и покрасневшие от слез глаза. Но теперь к ним примешивался еще какой-то новый запах. Он не знал, какой, но запах тот был чужой, резкий и пугающий, от которого возникает неприятное слюноотделение во рту. Заплаканный, истеричный мальчик пристально вглядывался в лицо матери, казавшееся открытым и встревоженным. Он силился, но больше не мог обнаружить там себя самого, как бывало раньше; на лице отражалась жизнь чудной, пышущей здоровьем и жизненной энергией, чужой женщины. Он легко простил матери то, что она никогда не приходила к нему на утренники... Он никогда не упрекнул бы ее за граничащую с безумием одержимость к поиску поклонников... Но с того

дня он остался без волшебного зеркала, которое вынужден был искать сам, а это не забывается никогда, ибо предопределяет неполноценность...

Сколько потом Кирилла бросали, после той ночи уже не имело значения – ему уже никогда не было так больно, душно и горько, никогда, даже сейчас он не был так сражен ощущением боли, одиночества и потерянности. А может быть, просто заболевшая, слишком рано вынутая из скорлупы душа, погрузившись в безотчетную тоску, начала быстро усыхать и покрываться налетом плесени.

Вспоминая об этом, Кирилл отвернулся к стене. Ему казалось, что на ней пробегают тени прошедших по его линии жизни людей, немые силуэты, напоминающие о прошлом и о неосязаемой, но очень цепкой связи с этим прошлым. Он чувствовал, что прошлое, особенно детство, держит его в металлическом, матово блестящем капкане впечатлений, очень похожем на металл, сдавивший его переломанные в аварии кости таза. И освободиться из этого плена не так уж просто. Молодому человеку очень сильно захотелось сжать до боли кулак, а затем от души врезать по этой безучастной стене с невероятной силой. Так, чтобы сделать дыру в ней и в соседней палате все проснулись, содрогнувшись от неожиданности. А заодно и смести все эти навязчивые пронзительно-тоскливые впечатления детства, навсегда уничтожая немилосердные образы, которые их порождают.

А когда Лантаров все-таки уснул, ему приснился короткий, но выразительный и необыкновенно яркий, как телепатический сигнал, сон. Словно он затерялся в толпе людей. Но у людей не было лиц, вместо них на него смотрели мутные пятна. С надрывом он силился выбраться из толпы и не мог; она, обладая необузданной силой, увлекала его куда-то, в неведомую область, которой он страшился. Но неожиданно в толпе нашелся человек, который помог ему. Чудесным ему показалось то, что во сне он чувствовал тепло этого человека, знал его, но когда проснулся ранним утром, эти знания растворились. И все же, обессиленный, весь в поту от напряжения, Лантаров после этого сна размяк и расслабился, а затем незаметно для себя забылся еще на несколько часов.

5

На следующий день Лантаров исподволь рассмотрел соседа. «Никакой он не старик, а борода просто скрадывает его возраст, – подумал Лантаров. – На его лице почти нет морщин, а кожа не дряблая и отвисшая, как обычно у стариков, а будто натянута на скулы и челюсти». И снова Лантарова поразили глаза этого человека: серые, непривычно подвижные, они казались провалившимися в глубоких глазницах и излучали неведомую и пугающую внутреннюю силу. В них отражалась какая-то иная, неподвластная его пониманию, жизненная философия, библейское спокойствие и глубина человека, который многое пережил. В то же время Лантаров не нашел в глазах Шуры превосходства или надменности, а когда взгляды их неожиданно столкнулись, бородач приветливо улыбнулся открытой, располагающей к общению щедрой улыбкой. Говорить он стал с той простодушной фамильярностью, свойственной старым приятелям.

– А есть еще книжка какая-нибудь? – обезличенно спросил Лантаров. Волна боли медленно и неумолимо накатывалась на нижнюю часть тела, и ему начинало казаться, что его по пояс опустили в кипяток.

– Есть, – ответил Шура, слегка усмехнувшись и не глядя пошарил левой рукой в своей тумбочке, на ощупь извлек оттуда тоненькую, зачитанную брошюру, проклеенную медицинским пластырем. – Не уверен, что тебе понравится, но в любом случае, попробовать можно. Иногда книга только с третьей или с пятой попытки читается – не всегда нам все сразу открывается.

Лантаров осторожно взял потрепанную книжицу, невольно обратив внимание на узловатые суставы на пальцах руки собеседника – кисть казалась клешней, цепкой и увесистой, как у гигантского краба.

– Я постараюсь, – пообещал Лантаров, сжимая челюсти от болезненных ощущений в области таза.

– Да нет, этого как раз не стоит делать, – убежденно возразил сосед, – если душа чего-то не принимает, значит, не готова. Надо искать то, что душе хочется узнать.

Кирилл кивнул, не зная, что ответить.

– Вот ты в детстве какие книжки любил читать?

Этот вопрос застал Лантарова врасплох, и, обескураженный, он некоторое время смотрел на Шуру и хлопал глазами.

– Да всякие разные читал – приключения, фантастику, – выдавил он наконец, нервно поглаживая полученную брошюру.

– Болит? – вдруг участливо поинтересовался Шура, указывая глазами на зажатые металлом тазовые кости Лантарова.

Лантаров кивнул и почувствовал, что вид его становится жалобным, страдающим.

– Старайся не думать об этом, а например, строить планы. Прикидывать, чем займешься, когда выйдешь отсюда.

«Какие планы? Я даже не знаю, кто я и есть ли у меня будущее вообще», – с горечью подумал Лантаров.

А новый знакомый словно читал его мысли.

– Это только на первый взгляд все представляется неопределенным. Я тоже через это прошел – как только начал строить планы, боль улетучилась, все стало срастаться. Теперь вот скоро выписываюсь.

В ответ Лантаров вздохнул и ничего не ответил. На душе у него было скверно. Как можно размышлять о будущем, не имея прошлого?! Он все больше чувствовал себя подавленным.

– Ладно, не горюй! По-крупному, твоя ситуация – фигня по сравнению с серьезными случаями. Представь себе, что бы ты делал, если бы узнал, что неизлечимо болен и жить тебе осталось шесть месяцев? Или что лежать тебе в кровати всю жизнь с переломанным позвоночником?

– Наверное, застрелился бы, – с оттенком безразличия произнес Лантаров, тупо уткнувшись глазами в потолок.

– Вот то-то и оно. А люди, настоящие личности, – Шура интонацией подчеркнул слово «настоящие», – не только выжили, но и на ноги встали. Живут полноценной, счастливой жизнью. Дикуль, например. Слышал про такого?

– Нет, не слышал, – буркнул Лантаров и хотел добавить, что и слышать не желал бы. «То они, а это я», – подумал он. Но воздержался от своих комментариев – не из вежливости, а из опасения отвратить от себя собеседника. Уж если с этим Шурой поссориться, тогда и разговаривать вообще не кем будет.

– А зря. У него перелом позвоночника был. Так он, вместо того чтобы слюни распускать, по пять часов ежедневно занимался. Придумал и разработал снаряды для себя, создал систему упражнений. И через несколько лет встал на ноги. Вот так! – закончил Шура с выдохом, но без победоносной торжественности, как это часто делают менторы.

«Несколько лет, – со злостью думал Лантаров, – не-ет, мне надо, чтобы я через пару месяцев уже сидел за рулем новой тачки, которая будет еще дороже потерянной. Чтобы бабло вернулось, и чтобы баб было немеряно!» Но шальная мысль тихо кольнула его в сердце: «А вдруг это все надолго?!» И опять все в низу живота и у ног показалось ему залитым цементом. Он судорожно вздохнул, как ребенок, который долго не может успокоиться после продолжительного плача.

Искоса Лантаров поглядел на соседа и изумился: как можно так быстро отключиться от мира, совершенно не замечать ничего вокруг? Действительно, Шура находился в это время где-то в другом, далеком, неведомом и, не исключено, занимательном мире, и Лантаров вдруг с оттенком досады позавидовал этому человеку, который с такой невероятной легкостью совершал головокружительные прыжки во времени и в пространстве.

Лантарову ничего не оставалось делать, как осмотреть книжицу, что дал сосед. Ему бросилась в глаза выделенная ярким оранжевым цветом надпись: «Неизвестные силы в нас». Затем он с усилием прочитал название и имя автора: «Ханнес Линдеман. Система психофизического саморегулирования». «Не слова, а какая-то абракадабра, – подумал Лантаров с сожалением, – вряд ли такое осилишь». Он попробовал полистать, чтобы отыскать что-то интересное. Тщетно! Даже выделенные чьей-то рукой, обведенные цветным карандашом предложения не вызывали у него энтузиазма. Неподатливые буквы расплывались перед глазами, а механически прочитанные слова и предложения не вызывали живых картинок. «И как он может такое читать?!» – Лантаров в бессилии опустил книжицу.

«Но какие-то книжки я же читал, – в сердцах думал он, – ведь читать я, по меньшей мере, не разучился...» Его боль то нарастала, то отпускала, но мало-помалу он стал привыкать к ноющему состоянию избитого, почти безжизненного тела. Но в какой-то неуловимый момент кто-то милостиво распахнул клетку, и мысли стаей вырвались из неволи, тут же устремившись на неутомимых крыльях куда-то вдаль. И Лантаров с трепетом ощутил дыхание собственного прошлого – оно только местами казалось теплым и освобождалось кусками памяти, вырезанными с необъяснимой логикой, как будто кто-то щеткой очищал от налета ржавчины некогда загубленные пластины в его мозгу.

6

Из вневременных глубин на Лантарова смотрел испуганный и нервный, тщательно скрывающий неуверенность в себе подросток. Случалось, он был угнетен, когда мать с каким-то особым смаком умела мгновенно доводить себя до истерики при всякой его провинности, а потом так же, как по мановению волшебной палочки, успокаивалась и остывала. Ярость в ней странным образом сочеталась с ледящей отстраненностью, и после этих перепадов число проколов мальчика только увеличивалось.

Кирилл испытывал странное облегчение, когда матери не было дома. Не то чтобы он боялся ее, но всей надорванной душой ощущал нелюбовь, временами перерастающую в ненависть. В одиночестве мальчик наслаждался свободой, часами просиживал у телевизора или перелистывал картинки взрослых маминих журналов. Иногда его одолевала пытливость, а особо притягательным казался тайный материнский мир, упрятанный во внутренностях ее столика. Возможно, Кириллу не терпелось постичь этот мир, чтобы обрести тайный ключ к ее вечно затворенной душе.

Компенсацией мятежности у юного Лантарова стала скрытная, тихая, тщательно оберегаемая от постороннего взора шкодливость. Даже ругаться матом в школе ему казалось противоестественным, но он с усилием заставлял себя делать это лишь для того, чтобы не выделяться из группы сверстников. Курить он начал лет с двенадцати за углом школы, наигранно брызгая слюной сквозь зубы, с мнимой и дерзкой бравадой мальчишки, отчаянно играющего в закоренелого мужчину. Там же в особой, щекочущей нервы, атмосфере свободы обсуждались, разумеется, насыщенные адреналином новости: неожиданно налившиеся Наташкины груди, новые джинсы Андрюхи, пошлейшие анекдоты, досадный пропущенный мяч в ворота «Динамо» и возмутительный, павлиний прикид молодой учительницы истории Маргариты Алексеевны, который обнажал при ходьбе ее элегантные ножки до соблазнительной высоты. За углом школы нередко в воздухе повисал самый занимательный вопрос: а все ли женщины хотят этого?

Однажды в старой фарфоровой вазочке Кирилл случайно обнаружил заветный ключик от маминого столика и не удержался от осторожного осмотра. Он чувствовал себя не то удачливым археологом, добравшимся до тайн египетских фараонов, не то опытным разведчиком, вскрывшим планы неприятельского наступления. Исследуя все ящички с тщательностью детектива, он обратил внимание на скромную папочку. Сначала Кирилл принял содержимое за бухгалтерские отчеты, каких в ящиках стола было несметное количество. Сухие и неинтересные, пестрящие рядами непонятных цифр и обозначений, они укладывались с необыкновенной аккуратностью и в тщательном порядке, которому до фанатизма была предана его мать. Но эта папка пребывала совершенно в ином состоянии: находясь отдельно от стопок деловой бумаги, она привлекла внимание подростка подчеркнутой неприглядностью и чужеродностью. Оттуда, из глубин чьей-то болезненной фантазии, на поверхность сознания Кирилла вынырнул возмутительно похотливый доктор, отменный знаток тайных женских желаний. Работая не то в борделе, не то в каком-то мифическом заведении без названия, созданном для избранных миловидных существ с бархатистой кожей, этот доктор вел двойную жизнь, то и дело оказываясь замешанным в историях с порнографическим привкусом. Этот наглец проделывал с бедняжками такие невероятные и экзотические вещи, о существовании которых даже не подозревала разгулявшаяся, воспаленная фантазия подростка.

С момента знакомства с любвеобильным сатрапом тринадцатилетний юноша познал неотступную тень бытия: порок существует, и он находится где-то рядом. Его тело взбунтовалось, стало непослушным, картинные эпизоды разожгли едва осознаваемые желания. Но его эксперименты над собой на какое-то время были прерваны – мать, случайно заставшая тинейджера, просто взбесилась. Ее первые яростные угрозы перешли в хорошо продуманные запугивания – в течение нескольких месяцев Кирилл попросту боялся к себе прикоснуться. Но вскоре он преодолел страх – нестерпимое желание и любопытство взяли верх. Относиться к самому себе он стал с явной неприязнью, переходящей после разрядок в отвращение. И Лантаров нынешний, пребывающий на больничной койке, отчетливо вспомнил, что в то время он думал о себе предосудительно и в глубине запуганного, сдавленного внутреннего мира ожидал страшного, обещанного матерью возмездия или иного небесного наказания.

В школе Кирилл Лантаров был явно не свой в местной компании. Но и не отщепенец, благо для жестоких подростковых игр и самоутверждения существовали экземпляры и послабее. Кирилл охотно принимал участие в «опускании» менее проворных, потому что так автоматически повышался его личный статус.

В восьмом классе они дружно поиздевались над сентиментальным неразговорчивым мальчишкой с неестественно длинным носом, за который его прозвали Хоботом. Щуплого одноклассника легко схватили за руки-ноги и, притиснув вытянутое худое тело к металлическим прутьям забора, в мгновение ока подвесили на метровой высоте. Хобот, сжав челюсти и тяжело дыша, молчал; его широко расширенные аквамариновые зрачки пуговками вращались в орбитах глаз от испуга. Когда же мальчик ощутил безнадежность своего положения, по щекам его потекли тяжелые слезы горечи, которые он старался утаить от дико улюлюкающих и ржущих, как внезапно освобожденные мустанги, одноклассников. На следующий день, когда мать Хобота, несчастная женщина с большими влажными глазами, страстно вопрошала у всего класса, чем же ее сын вызвал такую неприязнь школьных товарищей, Кириллу стало жаль забитого паренька.

Минул еще год, и шалости юных обитателей террариума с вывеской «Школа» становились все круче. У особо опекаемых родителями детей, которых презрительно называли «задротами», теперь потихоньку выбивали деньги. Особенно впечатлительных девочек, не развивших склонность к нарочитой вульгарности, ради собственного утверждения опускали различными способами. Например, могли на школьной перемене, как они говорили, «принять роды». Это значило разложить визжащую девчонку на школьной парте в отсутствие учителя, непременно

сопровождая гнусную сценку непристойными гримасами, выкриками, всеобщим обезьяньим ликованием и отнюдь не случайными прикосновениями к сокровенным местам. Кирилл никогда не был тут заводилой, хотя почти всегда оказывался где-то рядом, под рукой у главных хлыщей, авторов сценариев и необузданных фантазеров. Он не решался держать девочку, незаметно поглаживая бедро, поднимаясь все выше, как это проделывали более смелые одноклассники. Он, конечно, улавливал появление эротических мотивов в хаотических школьных театрализациях, хотя и нарочито упрятанных, тщательно заретушированных и замаскированных. И если все они действовали подобно партизанам, исподтишка расшатывая и без того расползающуюся по швам систему нравственности, то Кирилл оставался наиболее искушенным в делах конспирации. Он научился дипломатичности и компромиссам, что не раз пригодилось ему во время разборок участников парада аномалий. Кирилл не на шутку опасался прямолинейных девочек, сильных натур, способных одной резкой, вызывающе откровенной фразой изменить сценарий, недоработанный пугливыми, как свора одичавших собак, подростками. Феноменальные способности к моделированию «приколов» он демонстрировал крайне редко, исключительно для усиления авторитета. Он не умел, как Степка по прозвищу Слон, надуть ноздрей презерватив, срывая аплодисменты классной аудитории. Или снискать оvationи, подобно Кузе, Олегу Кузьменко, который мог часа полтора набивать мяч на ногу и колене, отчего прослыл лучшим футболистом школы. Но зато старался преподносить запоминающиеся вещи, выношенные плоды изощренной фантазии. Так, однажды он предложил экстравагантную шутку во время прогула одного из уроков целой группой молодчиков и их неизменных помощниц. Надо было изловчиться и постучать шваброй в окно на первом этаже, для чего потребовалась недюжинная сила Слона и отвага Ксюхи, одной из наиболее легких по весу девочек. Степа Слон легко перевернул девочку и, крепко ухватив ее за ноги, опустил со второго этажа вниз головой. Она же, легковесная и бесстрашная, шваброй постучала в окно на первом этаже, где невыносимо строгая математичка, прозванная, как водится, Линейкой, проводила урок. Конечно, скандал потом был потрясающий, Кирилл же завоевал лавры удачливого сценариста, Слон получил законную славу силача, Ксюха – признание невероятной отваги и готовности к авантюрным поступкам. Все остались довольны.

Глава третья

Тайная каббалистика взросления

1

Входящий в повседневную жизнь интернет старательно и неотвратимо создавал совершенно новое, неведомое доселе русло жизни обитателям многоуровневых муравейников. Гигант и Леха Вересков, которые благодаря небедным родителям первыми в классе успели обнаружить двойное дно самой двусмысленной и благодатной эпохи, для приумножения своего авторитета щедро делились с отставшей массой. Утробная радость потекла из запретных каморок щедрыми ручьями, на взрослеющую поросль посыпались тонны тайно передаваемых друг другу посланий из замысловатой эротики, безумного насилия и нескрываемой агрессии. Покров сакрального таинства с интимных отношений полов был так резко и беззастенчиво сорван, что многие даже не успели удивиться.

Спонтанные, скоропалительные, терпкие вечеринки старшеклассников на случайно свободных от родителей квадратных метрах обозначили мутацию игры. На смену похабным атакам под наигранное визжание своих соплеменниц пришла первая откровенность. Теперь они превратились в стопроцентных «пациков», а их подруги – в «телок». Из мглы желаний возникли заговорщицкие вечера с алкоголем, волнующими прикосновениями и томной близостью тел, растворяющихся в электронных мелодиях. Никто и не помышлял о любви в пределах этих тайных сборищ с многозначительным названием party, все с вожделием думали лишь о служении культу наслаждения. Чтобы стать участником party, Кириллу Лантарову пришлось поднапрячься – ничем выдающимся он по-прежнему не обладал, эксцентричным поведением не выделялся, в карманах у него были гроши вместо денег, оставался хилым, а одевался неброско. Но именно это вынуждало его действовать ловчее, коварнее, незаметно превращаясь в беспримерный образчик лицемерия и двойственности. Чтобы слыть своим, недостаточно было выдумывать что-то забавное, следовало становиться участником представлений.

В один из нейлоновых вечеров «на хате» у Степы Слона, то есть в оставленной на вечер квартире, Лантаров после внушительной дозы алкоголя для храбрости неожиданно обнаружил себя в темной комнате наедине с худющей избалованной одноклассницей. Действительность вдруг стала рваться на части, обоюдные поглаживания быстро превратились в страстные сжимания плоти, и в какой-то момент беснующаяся реальность ударила в голову таким безудержным фонтаном возбуждения, что дикий животный взрыв заставил юношу содрогнуться от конвульсии сладострастия и последовавшей вслед за ней судороги страха. Ситуация ошеломила его надвинувшейся волной безысходности: продолжая целовать свою партнершу и машинально гладить ее набухшее под руками тело, Кирилл уж совершенно не знал, что делать. Его собственный орган страсти являл собой нечто беспомощное и абсолютно недееспособное, отдельно от него существующее одноклеточное, скорее всего амебу. Вмиг протрезвевший, сам Кирилл превратился в контуженного на поле боя солдата, от которого тщетно ожидают участия в яростной атаке. Холодный пот выступил у него на лбу, но он еще яростнее, с деланой страстью накинулся на партнершу с поцелуями. «Что же делать?! Что теперь предпринять и как избежать унижения?! – сверлила его одна-единственная мысль. – Ведь это позор! Посмешище! Все пропало!» Но тут дверь в комнату с предупреждающим скрипом отворилась, возникла патлатая голова одноклассника:

– А-а-а, вот вы где... А там Гигант шампусик притащил. Присоединяйтесь, хватит на всех. – И он так же таинственно исчез, как и появился.

– Ну что, пойдём? – нерешительным шепотом спросил Кирилл, слегка приподнявшись на локте.

– Пойдём, – кивнула она, несколько озадаченная и, как показалось Кириллу, с ноткой разочарования в голосе.

Пора упоительных лобзаний и юношеских ласк прекратилась так же внезапно, как и началась. Все бросились наверстывать упущенное в учебе, и лишь несколько образовавшихся пар продолжили захватывающее путешествие в мир впечатлений первой любви. Кирилл не принадлежал к когорте счастливых. Перспектива поступления в институт превратила его последний год школьной жизни в сущий ад. Он стал нервным, взыскательным к себе и еще более одиноким.

2

Чем больше Лантаров наблюдал за бородатым соседом, тем больше удивлялся. Сначала он обнаружил, что тот не прикасается к тому, что готовят на завтрак, обед и ужин. Ему даже и не приносили блюда. А когда новенькая санитарка, совсем еще девочка, налила ему жидкой кашицы, Шура, прищурившись, тихо и ласково пожурил ее. Лантаров открыл некую прелесть наблюдений и превратился в тайного лазутчика – так он старался придать оттенок смысла своему вынужденному заключению. И все больше поражался: Шура медленно, с наслаждением жевал какие-то корни, орехи, сушеные фрукты и еще черт знает что совал себе в рот, только не привычную пищу.

Однажды очень ранним утром, когда едва стало сереть за окном, Лантаров застал соседа Шуру за совершенно необычным занятием. Тот лежал на спине, и одна его нога, как и положено, была на растяжке. Тогда как другая, здоровая, находилась не где-нибудь, а за головой бородача. Лантаров чуть не присвистнул. Фактически, Шура лежал, можно сказать, на собственной пятке, упираясь в нее затылком. Причем особенной трудности это для него, по всей видимости, не представляло. На его лице с закрытыми глазами отражалось умиротворение, странная полуулыбка, как у ребенка, который только что съел что-то сладкое. Вообще, Лантаров причислил бы этого Шуру к сумасшедшим, если бы не убеждался каждый раз, что тот похож на сосуд, до краев наполненный человечностью, доброжелательностью и непривычной щедростью ко всем окружающим. Втайне Лантаров испытывал чувство благодарности к этому человеку, которого он совершенно не знал, – ведь именно после разговора с ним у него произошли первые сдвиги сознания и ручьем потекли воспоминания о прежней жизни. Да и вообще небезынтересный, хоть и чудаковатый тип, с ним хоть поговорить можно. Что касается Лантарова, который не обладал стойкостью римского легионера, он был попросту раздавлен уже после двух недель пребывания тут. Это Шура непрестанно читает, что-то черкает или отправляется подолгу гулять на костылях. И как ему удается не скучать, не ныть?! А вот ему, Лантарову, такое не под силу. Только одно радовало Лантарова: шум в его голове почти исчез, сил стало заметно больше, и даже появился интерес к окружающему миру.

– А как случился перелом? – Лантаров воспользовался тем, что Шура оторвался от книги, и кивнул на его подвязанную к растягивающему механизму ногу.

– Мой-то? Да жадность подвела, – с наивным простодушием улыбнулся Шура. – Валил в лесу дерево, а пилу заклинило стволом. Мне бы ее оставить, да попробовать ствол подтолкнуть бревнышком, а я пилу пожалел. И ствол незаметно так, да и пошел на меня. Я отскочил, конечно, но под ногами уж много веток срезанных было, вот и зацепился. И вот тебе счастливый случай – перебило ногу.

– Счастливый?! – Лантаров поразился.

– Конечно, счастливый. Чудно вышло. – Шура лукаво улыбнулся. – Во-первых, жив остался. А во-вторых, для чего-то мне это же надо было? Мы никогда не знаем наперед, хорошо

или плохо то, что с нами произошло. Время пришло в чем-то разобраться, что-то понять, ну, что раньше не доходило. Знаешь, Кирилл, ничто в нашей жизни не случается просто так. Вообще, если хорошенько покопаться в событиях, мы поймем: любая проблема – это урок и новая возможность.

– Прикольно... – Лантаров вздохнул и неожиданно для самого себя произнес со вздохом: – А я вот себя сейчас чувствую самым несчастным человеком на свете. Мне иногда кажется, что я попал в ад.

Зачем он сказал это незнакомому человеку? Лантаров тотчас пожалел об этом. Но тоска неумная толкала на откровенность.

– Рай и ад находятся у нас в голове. Потому не стоит так говорить. – Шура посерьезнел, между бровями залегла поперечная складка. – Кирилл, разве ты не знаешь, что мысли материализуются? Будешь думать, что ты несчастный – таким и будешь. Будешь думать, что счастливый, успешный и здоровый – будешь таким, и все будет получаться. А недуг – это для всего организма, и для сознания в том числе, отличный способ очищения. Ну, как клизма. Приблизительно.

– Звучит оригинально, но применить вряд ли возможно. Как я могу считать свой случай счастливым, если у меня весь мир перевернулся? – Кирилл перешел на шепот. – Я вот даже вспомнить не могу многого из прежней жизни, не то что оценить... и вообще, как жить дальше...

– Ну, выход всегда найдется. И, кто знает, может быть, все с тобою приключилось к твоему же будущему счастью, к здоровью, к деньгам. Тебе предстоит поразмыслить, чтобы отыскать оборотную сторону твоей аварии. У каждого события, пусть даже оно кажется трагедией, всегда есть оборотная сторона. Та, которая ведет к новой, более качественной, более содержательной и, в итоге – более счастливой жизни. Ты что-нибудь слышал о Стивене Хокинге, британском астрофизике?

– Не-ет. А что он придумал?

– Придумал-то он много чего. Но всемирно знаменит совсем по другому поводу. Представь себе, в двадцать один год медики напророчили ему два с половиной года жизни. Из-за неизлечимой болезни. Он был обречен медленно умирать, теряя способность двигаться.

– И что же, он победил болезнь? – В глазах Лантарова зажегся легкий огонек интереса, как у ребенка к волшебной сказке.

– Не совсем. Но он победил главное – страх перед болезнью и смертью, не пал духом. А преодоление страха – самый важный шаг на пути к изменению жизни. Уходит страх – рождается вера. Так и у Хокинга – освобождение от ужаса смерти открыло ему новые возможности. Он написал увлекательные, просто шикарные книги, популярные на всей планете. Стал всемирно известным ученым, которого президенты и премьеры почитали за честь слушать. Он даже успел жениться и родить чудных детей. Хотя на свою свадьбу пришел с палочкой, рождение старшего сына встретил на костылях, а к появлению на свет дочери и младшего сына пересел в инвалидную коляску. Так вот, какая тут мораль в басне? Его жизнь коренным образом изменилась как раз после трагедии, после смертного приговора. Ну, не было бы роковой болезни, и он бы остался неизвестным учителем физики, каких миллионы! А так он превратился в икону, в надежду для тысяч больных людей, почти в живого целителя. И таких людей тысячи. Которые прошли через страшные события, но именно эти события их изменили и сделали счастливыми.

– Что-то мне не очень верится, что мои переломанные кости сделают меня счастливым...

Лантаров сказал так по инерции, он был слишком подавлен происходящим, погружен в раствор недоверия и слабости. Но рассказ произвел на него впечатление, застрял в голове пестрой картинкой с четким изображением. Только он пока не знал, что с этой картинкой делать, как ее применить.

– Все зависит от тебя самого. Просто мы порой многого не знаем. Как в окружающем нас мире, так и в нас самих. Скрытых возможностей, открывающих новые миры. Кстати, в тему к этому есть отличная притча – такая короткая и очень поучительная сказочка. Хочешь, расскажу?

– Давай. Пусть хоть сказочки как-то приукрасят эту унылую палату...

– Унылую? – Шура нарочито огляделся. – А я и не замечал... Обычная, где-то даже чудная палата: ничем не лучше и не хуже других. Ладно, слушай.

Жил себе с женой и сыном крестьянин-даос, не богатый, но благополучный и в целом счастливый. И вот однажды пришел к нему на участок красивый молодой конь, ну, это как будто тебе новую машину внезапно объявившийся дядюшка-миллионер прислал. Его юный сын возликовал, стал прыгать от радости. Но старик был мудр и предостерег юнца: «Не торопись с выводами! Ведь мы не знаем, что хорошо, а что плохо». И точно, на следующий день конь унесся прочь. Юноша залился горькими слезами от обиды, что счастье так быстро оставило его. Но отец повторил свои поучительные слова. И что же? Через несколько дней конь неожиданно вернулся, да еще и в сопровождении трех кобылиц. «Мы теперь несказанно богаты!» – вскричал обезумевший от радости молодой хозяин. И опять зрелый глава семейства невозмутимо повторил: «Не торопись с выводами! Ведь мы не знаем, что хорошо, а что плохо». И действительно, не прошло и недели, как импульсивный и неосторожный юноша, объезжая своего коня, неудачно упал и сломал ногу. И снова невоздержанный молодой человек бился в истерике, проклиная несчастья, что свалились на его голову. Зато старик, как и прежде, не терял самообладания. «Не торопись с выводами!» – спокойно заверил он сына. Последующие события подтвердили справедливость такой выдержки. Потому что началась война, и всех молодых мужчин забрали воевать. А вот юноша с переломанной ногой остался цел и невредим, тогда как большая часть крестьян-рекрутов погибла.

Эта история не имеет конца... Но ее стержень неизменен. Нам явно не дано тотчас распознать последствия события. Зато нам точно оставлен шанс отыскать в самом худшем событии новую возможность. Когда одна дверь закрывается, другая непременно открывается. Это непреложный закон жизни.

Лантаров задумался. Рассказы нового знакомого легко, как шальной ветер верхушки деревьев, всколыхнули какие-то смутные пласты сознания, которые доселе крепко спали. Но вместо конкретного выхода, пресловутой двери было густое молочное облако.

– Все это хорошо, но представляется простым только в сказках. В жизни нет волшебства – она неумолима и глухая, как стена.

– Это если сомневаться и колебаться. Но если появляется твердое решение, мир меняется на глазах. Стоит только постараться, включить волю – и твои намерения создадут тебе поток энергии, можешь не сомневаться. Может быть, тебе открывается путь для особой миссии или для любви, ты ведь не знаешь?

Лантаров недоверчиво покачал головой.

– Можешь не верить, но попробуй хотя бы несколько дней правильно думать и говорить – то есть с позитивом в отношении себя и окружающих. Не проклинай и не ругай себя, да и других тоже. И увидишь, как все начнет меняться вокруг.

Вместо ответа больной с переломанным позвоночником на койке у окна издал горемычный стон, вроде мычания коровы, которую ведут на убой. Что-то похожее на восклицание безнадёжного человека: «Ну, что за бред вы несете?!»

– А ты уверен, что жил до этого счастливо?

– Не знаю... – Лантаров почесал голову и посмотрел на свою тонкую, бледную, как у мертвеца, руку. – Но наверняка был счастливее человека, прикованного к постели...

– Ну, а как бы ты узнал, что те, ранее прожитые дни, прекрасны?

Лантаров опять задумался.

- А что тот мужик, который сломал позвоночник, как он занимался?
- Дикуль, что ли?
- Наверное. Я не помню.

– Ну, хорошо, слушай. Жил себе паренек, не особо счастливо, потому что мама у него умерла, а отца – убили. Но, перебиваясь по детдомам, он не унывал: увлекся цирком, подрабатывал там по мелочам. А заодно над своими трюками работал, занимался гимнастикой и акробатикой. Парню еще пятнадцати не было, когда лопнула страховочная перекладина, и он – хлоп! – из-под купола цирка о землю. Но не погиб, а сломал позвоночник, врачи ему пророчили инвалидную коляску до конца жизни. Но Дикуль – парень стойкий оказался, что называется, крепкий орешек. Стал себя истязать занятиями: гантелями, придумал через блоки задействовать в упражнениях ноги, которые он даже не чувствовал. Медики твердили: «Парень, успокойся, это – пустое!» Короче, отказались от него. А он – ни в какую! Твердолобый. Каждый день передвигался на костылях, как на ручных ходулях, и делал это, пока не падал от напряжения или от судорог, сводивших руки, спину и шею. И чувствительность вернулась. Шикарно, да?

– Сколько у него времени ушло? – услышали они разом тяжелый, сдавленный голос больного у окна, того, что лежал тут с переломанным позвоночником. Оказалось, он все это время внимательно вслушивался в тихий разговор.

– Лет пять, кажется, ушло. Что-то вроде этого. Это было давно, но сейчас он знаменит. Создал свой центр – для помощи таким больным. Одним словом, доказал всем, что невозможное – возможно. Если очень захотеть. Но главное опять-таки не это. А то, что его жизнь приобрела новое качество.

– Я столько не протяну, – раздался сдавленный, обреченный голос больного.

– Давно известно, что каждому из нас дается столько страданий, сколько он способен вытерпеть. Все наши успехи или провалы зависят, пожалуй, лишь от одного – от веры.

Они поговорили еще немного, но энтузиазма у Лантарова не прибавилось. Он не верил в убеждения соседа, хотя ощущал, что его внутренний огонь давал если не тепло, то надежды на потепление. После таких разговоров все равно становилось легче, а боль притуплялась, как после укола. И Лантаров еще более проникся симпатией к этому человеку: в нем присутствовали стойкость и воля, которых не хватало ему самому.

Затем, после традиционного прихода медсестры, Шура был отпущен на прогулку. Лантаров снова наблюдал за тем, как он собирается, как заострилось и сосредоточилось его лицо в ответственный момент отрыва от кровати. Оно стало, как у пилота-испытателя, который собирается поднять в воздух новый истребитель.

Когда Шура, запахнувшись халатом, отдернув плечи назад и подмигнув ему на прощанье, двинулся на своих костылях, Лантаров опять задумался. В самом деле, был ли раньше каждый день для него лакомством, ярким приключением? Да, сейчас он превратился в растение, которое, если не полить вовремя, усохнет. Хотя мозги, вероятно, и без того уже усохли... Но неужели его ждет такая же участь, как того молодого мужчину?

И опять произвольно возник поток воспоминаний. Обнажение памяти было сродни тому, как островок суши вырастает на реке, когда земснаряд искусственно намывает тонны песка.

3

...Из глубины времени возникла юность, умеющая непринужденно скользить по поверхности. Лантаров держал в голове свои ранние казусы в общении с противоположным полом, но они не удручали его. Тинейджер, в меру подверженный власти комплексов, он вполне научился камуфлировать свои слабые стороны. Обстоятельства в жизни Лантарова, беспечной и мало к чему обязывающей, казались сладкими сюрпризами, облаченными в блестящие обертки.

Подростковые грезы выводили заманчивые, притягательные рисунки действительности: стоит только потянуться и развернуть очередную упаковку, как на голову посыплется золотой песок сказочного везенья. Ему вспомнился восхитительный возраст, в котором любая, даже эфемерная возможность возводится в абсолют, шальной привкус полной безответственности, острый запах раздражителей, толкающих беснующуюся юность на рискованные авантюры. Кирилл не задумывался над смыслом своего существования, зато остро испытывал лишь одно тайное беспокойство – осуществление своего превращения в мужчину. Это было как посвящение в рыцари, без которого не только невозможно стать по-настоящему взрослым, но и выглядеть полноценным в своем социуме. Можно, конечно, врать до поры до времени, но, учитывая, что все его приятели беспрерывно твердят о сексе как о первородном счастье, вранье, как и упорное молчание, казались одинаково небезопасными для репутации. Да что там репутация?! Ведь и собственные импульсы, порой приступы жгучего, примитивного желания донимали парня не хуже досадных расспросов и многозначительных реплик посвященных в таинство дружков.

К окончанию школы Кирилл Лантаров с ужасом отмечал, что он находится в подавляющем меньшинстве – среди так называемых лохов и лузеров, которые в делах интимных все еще полные профаны. Что и говорить, устойчивый, железобетонный стереотип, настойчиво навязанная, беспокойная мысль, непреложный закон раннего развития, обойти который не представлялось возможным, – все неумолимо гнало на поиски подходящего случая. С одной стороны, его кнутом подстегивал виртуальный мир телевидения и интернета, бесчисленные клипы и сюжеты, прославляющие секс безо всякой ответственности. С другой – существовала стена сдерживания, воздвигнутая традицией, снобами-учителями, стереотипами, извлекаемыми из далекого прошлого. Но Кирилл Лантаров для себя давно решил, что ему пора примкнуть к массе счастливиц. Чего бы это ни стоило. Чувства не имеют значения, наплевать на отношение к возможной партнерше, лишь бы она не была уродиной. Многократно обсужденные подходы – и все! Только после секса возможно посвящение в новый, богатый на ощущения мир, пространство царствования грубой силы, время шикарных приключений, риска, достижений и невероятных побед. В выпускном классе Лантаров клял себя, что не родился мачо или хотя бы мускулистым и рослым, ибо тогда не носился бы со своей невинностью, как с болезнью. В век, когда целомудрие стало пороком, а отсутствие сексуального опыта расшифровывалось как полная забитость, отстой и дикарство, Кириллу мерещилось, будто каждый встречный знал его страшную тайну. «Как, ты все еще не мужчина?» Он чувствовал себя учеником с вечно не выученными уроками.

Наступившее лето после окончания школы казалось Лантарову венцом ликования. Конец изнурительной борьбе с нудными учителями, финиш примитивной гонке за мифическим баллом. Мозг внезапно освободился, уступая путь разбуженным желаниям. В открытые настежь двери школы выпорхнуло и давнее томление.

– Кирюха, едешь с нами на базу отдыха под Дымер?

Ему наскоро перечислили нехитрый состав команды ловцов мимолетного счастья. Антон, Степа Слон, Гигант, Леха Вересков. Еще думают Пирожок и Стас. Девиз поездки: «Водка – пиво – телки». Школьным подругам в приглашении решительно отказано. Оно и понятно: лучшие из них давно встречаются, худшие – либо патологически несговорчивы, либо их слишком трудно представить в той роли, которую кавалеры определили дамам. Кандидат в рыцари Лантаров, сам того не осознавая, с едва скрываемым восторгом откликнулся на трубный зов дикого, животного инстинкта.

– Алё, хватит квасить, – попробовал взять бразды правления в свои руки Леха Вересков, парень, не лишенный интеллекта и слывший в школе предусмотрительным и проницательным.

– Какой алё? Какой хватит? – возмутился Антон пьяным голосом, больше заботясь об авторитете, чем о результатах действия. – Еще по одной, и потом переходим на пиво.

– Не-ет, мужики, мы будем небоеспособны, ужремся, как свиньи, а нам еще много предстоит, – попробовал встать на сторону Лехи Богдан. – Во-первых, если мы не остановимся, то водки на три дня точно не хватит, а во-вторых, мы совсем забыли про телок!

Острой дискуссии не получилось – компании явно недоставало трезвости. Кирилл же помалкивал, стараясь не допивать до дна из мягких, одноразовых стаканчиков. Он хитрил, переживая за реализацию плана больше остальных; ему, как он сам полагал, посвящение в мужчины было необходимо гораздо больше, чем всем остальным. Вчерашние школьники сидели в небольшом деревянном домике турбазы на берегу Днепра, утопающем в сени огромных сосен и наполненном невероятно свежим ароматом разлившейся на много километров реки.

Кирилл смотрел на бывших одноклассников, как будто сквозь стекло из пустой водочной бутылки, и думал, что не испытывает к ним никакой привязанности. Расплывчатые физиономии, обезличенные юнцы. Общая жажда наслаждений – вот и все, что их объединяло. Он не смог бы соревноваться с ними в количестве потребленного алкоголя, как и в кулачной схватке. Но он должен чем-то компенсировать их преимущества. И Лантаров решил, что будет более хитрым, цепким и хладнокровным. И он сумеет устроиться в жизни лучше их, получить от судьбы больше козырных тузов. Да что там, он им еще покажет! Вот только сейчас они ему нужны, как никогда, потому что ему, привыкшему к одинокому прозябанию в пустой квартире, самому явно не удастся приблизиться к девушке, даже самой непривлекательной.

Лантаров хорошо запомнил, как они долго бродили по берегу, заглядывая на турбазы, хмельным голосом, словно воем, обозначая поиск и желание. Никто к ним не подошел, никто не ответил, никому они не были нужны этой чистой, с нежными запахами леса, ночью. Они приостановились, чтобы подкурить сигареты, и в этот момент услышали отчетливо доносившиеся с берега голоса – вероятно, их принес порыв легкого предутреннего ветерка. Когда их горящие взгляды пересеклись в тающей мгле ночи, они без слов поняли друг друга.

...На берегу, на большом бревне, очевидно, прикатанном для компанейских умствований, трескучими ночными птичками восседали две девушки. Огоньки и табачный дым выдавали заядлых курильщиц. Подходя, Лантаров заметил, что обе они изрядно пьяны. «Тем лучше», – отчего-то подумал он и с удивлением отметил про себя, что думает, как преступник, замысливший что-то страшное. Заплетающимися языками девушки что-то оживленно, с избытком эмоций, обсуждали – до ребят донеслась нецензурная брань.

Леша, как более опытный, начал наступление.

– Что, девчонки, встречаем рассвет?

Они обернулись, слегка удивленные появлением непрошенных кандидатов в кавалеры.

– Да пошли вы...

Но парни не оскорбились. Не сговариваясь, они решили действовать до конца.

– Что-то вы неприветливые какие-то. Мы-то думали: встретим рассвет, познакомимся с замечательными девчонками... – Алексей говорил, пока они приближались к девицам.

– Слышь, че ты хочешь? – спросила одна из них с наигранной значимостью, которая казалась комичной. Даже при свете угасающих звезд были видны ее осоловелые глаза, большие и пустые, как у мычашей телки.

Вторая забрела еще дальше в своем желании съязвить:

– Вы, че, мальчики, перепихнуться хотите?

Лантаров, намеревавшийся выступить на помощь приятелю, поперхнулся и закашлялся. Пьяные девицы разом некрасиво и ехидно грудными, прокуренными голосами раскатисто заржали. Но сообразительный Леха оставался невозмутимым.

– Девчонки, зачет. Мы поняли: с вами скучать не придется. Но есть предложение – давайте выпьем за веселое ночное знакомство.

Как ни странно, такой поворот развязным девицам пришелся по душе, желчные и заносчивые, они утихомирились. Тут только Кирилл приметил, что у бревна валялись две небольшие

бутылочки, в каких обычно продают малоалкогольную отраву. Такой молодежь любит «догоняться», то есть шлифовать более тяжелые напитки. От осознания заманчивых возможностей желание в нем тотчас подкатилось к горлу и притаилось опасной змеей, став злее, терпеливее, выносливее слов. Оно готово было выдержать все.

Рядом с бутылками на прохладном и влажном, остывшем за ночь песке лежали две пары потрепанных босоножек. Из-под темных джинсовых брюк с мокрыми краями – девицы, вероятно, бродили по воде – выглядывали очертания их наполовину погруженных в песок стоп.

– А что у вас есть? – любопытствовала та, что побойчее.

– Да все есть, – опять отдувался Леха, широко улыбаясь от обретенной уверенности контролировать ситуацию, – пиво, водка.

– Слышь, а твой друг разговаривать умеет, или он – немой? – опять с вызовом атаковала любительница непристойностей.

Они опять прыснули смехом, но уже не таким злым. Что-то неприятно кольнуло у Лантарова внутри; в нем боролись вихри противоборствующих сил. Неприязнь к пещерным, без игры и флирта, отношениям, долго подавляемое сексуальное желание и странная, досадная боязнь сближения с этими вульгарными, грубыми особами, от которых за версту несло выпитой ими дрянью.

– Умеет. И не только разговаривать умеет, – произнес Кирилл как можно решительнее и подошел вплотную к девице, – давай руку, помогу перебраться через бревно.

Девица простовато вручила Кириллу свою руку. Рука неприятно обожгла его холодом и шершавой, привыкшей к грубым условиям, кожей; вместе с незамысловатой речью она выдавала в хозяйке обительницу одного из местных сел.

– Были у нас тут смельчаки, да пропали где-то, – посетовала девица. Лантаров не ответил, он поймал себя на мысли, что отчего-то боится взглянуть ей в глаза. Он ненавидел и проклинал свою робость, но ничего не мог с нею поделать. Все так же держась за руки, они прошли до края леса к домику турбазы под аккомпанемент неумолкающего Леша.

Расчет Верескова оказался верен, – вся некогда воинственная группа устремилась в общую большую комнату, тогда как две поменьше оставались свободными. Гигант и Слон, обнявшись по-братски, посапывали на одной из двух кроватей-полупороков, тогда как Антон с Богданом фактурно изображали пьяниц. Они встретили пополнение коллектива без излишнего ажиотажа, непривычно тяжелые головы уже слишком сковывали их соображение. Путаясь в паутине собственных мыслей, Богдан предложил «За знакомство». Все перезнакомились и выпили, никто не старался запомнить чье-либо имя – это было излишне в сложившихся условиях. Ни кокетства, ни даже неуклюже-витиеватой попытки к флирту.

– Есть сигарета? – как-то буднично спросила его спутница, которую он самочинно вызвался сопровождать. – Пойдем. – Она кивнула на дверь в соседнюю комнату. Они избегали смотреть друг другу в глаза, предпочитая исподтишка, вскользь разглядывать друг друга. Лантаров заметил, что девица имеет веснушчатое лицо, вздернутый маленький носик, довольно аккуратный рот, правда, с опущенными вниз уголками, как у вечно недовольного чем-то человека... Если бы не копна плохо расчесанных волос, да не заплывшие глаза, о ней можно было бы даже сказать: «Ничего, сойдет!» Но вот голос ее, сиплый и прокуренный, откровенно раздражал...

Когда девица осведомилась о сигарете, Лантаров хотел было сказать, что можно курить и тут, но вдруг столкнулся с выразительным взглядом невозмутимого и более всех трезвого Леша. Тот глазами упорно указывал ему на гвоздь, вбитый у самой двери: там висело два ключа от свободных комнат. «Как будто кто-то тайно подстроил, – подумал Лантаров, – комнат столько же, сколько и телок». Поблагодарив глазами Алексея, он молча снял с гвоздя ключик и пошел за своей шелудивой подругой.

Повсюду серело, новый день вступал в свои права, но Лантаров не ощущал ни радости нового рождения жизни, ни подъема чувств. В нем билось, тревожно трепетало слегка приглушенное усталостью и алкоголем, возбуждение. Он был похож на уставшего путника, который прошел большой путь, и теперь уже была видна конечная точка. Все казалось неотвратимым. Таким же неизбежным, как и быстро наступающий день, который еще больше подталкивал юношу к действию. «Ну, давай, ты же хотел этого!» – почти крикнул Лантаров сам себе, чтобы пересилить робость и оцепенение. Он взял девушку за руку, и она, к его удивлению, легко повиновалась, точно ждала этого решительного жеста. Конечно, пронеслось у него в голове, от него ведь ожидают смелости, решимости, может быть, даже грубости, потому что в этом должна проявляться пресловутая мужественность. И он мысленно приказал себе быть именно таким, только этот приказ в его гудящей голове отозвался глухим и тяжелым звуком.

Незаметно они оказались в темной комнатке с фанерными дверьми и такими же незамысловатыми стенами. Внутри добрую треть пространства занимала кровать с растянутой металлической пружиной, которая проседала от человеческого тела так, будто заведомо должна была играть роль гамака. Парень легко потянул девушку к кровати, но она, качнувшись, стала молча, со странной, глуповатой угрюмостью, стягивать с себя одежду. Хотя ему это не понравилось – он намеревался проделать это самостоятельно, – ничего не оставалось, как смириться. Через полминуты они оказались на кровати вдвоем – прохладная неприветливая кровать запротестовала шумным голосом растягиваемой, жутко скрипучей сетки и основательно просела. Но не столько ропот кроватной пружины, сколько другое неприятное открытие вызвало у Кирилла прилив раздражения. Лежать вдвоем на этой кровати оказалось настолько неудобно, что они накатывались друг на друга, словно деревянные чурки. Лантаров поразился тому, что не ощутил ожидаемого жара тел, которые встретились как-то уклончиво, без влечения, без запала, без вожделения. Он погладил обнаженные груди девушки, и они показались просто чудаковатыми выпуклостями довольно мягкого тела. Это начало без намека на возбуждение показалось Кириллу нелепым, как и сама встреча с девушкой. Он подумал, что не знает даже, как ее зовут. Но он решительно продолжил начатое – отступать было некуда. Рука его скользнула ниже по такому же мягкому животу и затем еще ниже, попав в какую-то непривычную впадину. Девушка податливо раздвинула ноги, и слегка одеревенелая рука оказалась в неведомой зоне, куда еще никогда не проникала. Юный охотник за любовью снова удивился: он ощутил любопытство, желание узнать, как там все устроено, но никак не страсть. И поймал себя на мысли, что ему совершенно не хочется целовать ее в губы, – он прильнул губами к ее шее. Девушка упорно молчала, и ее тело походило на манекен. Лантарова сбивало с толку, что она никак не реагировала на его прикосновения. Что происходит?! Может, это с ним что-то не так?! В нем внезапно вспыхнул дикий ужас, и в гнетущей тишине, в полной темноте он, мгновенно протрезвев, опасливо сосредоточился на собственных ощущениях. Мысли очнулись от алкогольного оцепенения и стали метаться по ограниченному пространству фанерной кельи.

Может быть, он просто чего-то не знает?! Но в рассказах парней такие случаи не описывались. Лантаров чувствовал, как испарина холодного пота увлажнила его лоб. Приблизив лицо к ее груди, юноша почувствовал запах крестьянского тела, живого, естественного, но слишком острого, слишком человеческого, может быть, не утруждавшего себя ароматными шампунями. К нему примешивался устойчивый табачный и алкогольный привкус. Эти запахи отпугнули Лантарова, они были сильнее воздушных, цветочных ароматов его одноклассниц. Девушка попросту ждала, и это ее зловещее ожидание доводило Лантарова до бешенства. «Может быть, она пьяна?» – мелькнуло у него в голове. Он предпринял еще одну, совершенно отчаянную попытку. Она – о боже, – не сопротивлялась, но все так же ничего не предпринимала. «Поражения, моего позора ждет она!» – почему-то пулей пронзила Кирилла шальная мысль. Ничего не произошло.

– Может... – почти застонал Кирилл, – ...может, ты мне поможешь?

Его голос прозвучал тревожно, неестественно и мальчишески глупо.

– Я не помогаю, – грубо и раздраженно просипела девица.

Это был сильный удар. Как бы он хотел провалиться сквозь землю! На кровати перед ним лежала все еще распластанная, но готовая вот-вот съежиться от досады и разочарования, растрепанная, помятая кошка. Он вдруг понял, что перед ним раскинулось совершенно чужое, чуждое ему тело, к которому он испытывал лишь брезгливость. Реальность оказалась совсем не такой, как представления; дымчатые грезы рассеялись, оставив уродливую необходимость как-то действовать. Она была к тому же пьяна, отталкивающе доступна, а вот эта ее абсолютная бесстыжая обнаженность отвращала и убивала те остатки плотского желания, которые еще не улетучились после входа в комнату.

Он не помнил, как оказался на улице. Наспех одетый, он долго бродил по пустынному берегу, пока не наткнулся на лодку с веслами, очевидно, кем-то неосмотрительно оставленную накануне вечером. Он быстро оттолкнул суденышко от берега, ловко забрался в него и погреб прочь. Ему казалось, что он уже умер, уничтожен, испепелен. Он ненавидел весь мир. Он не знал, как жить дальше. А что, если он неспособен быть с женщиной вообще?! Если так, то лучше вообще умереть! А сейчас – бежать подальше и поскорее!

Потрясенный, сопровождаемый гнетущими видениями, Лантаров долго греб вдоль берега по темно-желтой днепровской глади. Но вдруг ощутил, что его плечи и спина мокры – тут только юноша заметил моросящий дождь. Он взглянул на одеревеневшие от гребли руки – на них вздулись мозоли от непривычной мышечной работы. С большими усилиями, мокрый и окоченевший, уставший от перевозбуждения и унижения бессонной ночи, он добрался до турбазы. Кто-то орал на него за взятую без разрешения лодку, но он ничего не слышал. В домике, к его удивлению, в парах перегара спал отряд добрых молодцев. Девиц не было. Только Леша приподнял голову и спросил: «Ну как?» Лантаров скорчил жалобную мину: «Леша, я заболел и сейчас еду домой лечиться. Скажешь парням, что все нормально. Отдыхайте». Ни слова больше не говоря, Лантаров в течение считанных минут переоделся, схватил вещи и ринулся к автобусной остановке.

В безумном мареве из собственных переживаний Лантаров добрался домой. Его преследовало только одно желание: уединиться, закрыться от всего мира и отлежаться в глубине своей норы. Но вдруг за едва прикрытой дверью в комнату матери Лантаров услышал возню, резко открыл дверь нараспашку и обомлел. . . Его будто вероломно разрубили пополам тяжелым двуручным мечом. На большом диване иступленно катались два обнаженных тела, сцепившись, будто в смертельной схватке – его мать с каким-то незнакомым мужчиной. . .

Лантаров обнаружил себя в своей комнате обессиленным, обескровленным, бесчувственным и скулящим. Словно погребенным заживо. Он не слышал, как стучала в дверь его мать. Очень смутно помнил, как дверь все-таки выбили, очевидно, опасаясь, что он что-то сотворит с собой. В рот ему вливали какую-то липкую, елейную субстанцию с острым непонятным запахом. Затем он провалился в дрему, и воспоминания на том обрывались. . .

4

Грузная нянечка Мария Ильинична, о которой Лантаров всегда думал раздраженно и подозревал в крохоборстве, сама предложила побрить его. Он согласился больше из любопытства, заросли на лице, как ему мерещилось, скрывали его, позволяли раствориться в этой густой палате, стать чем-то общим, безличным. Ну, как кушетка, например.

– Болит спинка? – Женщина спросила ласково, и Лантаров впервые ощутил, что его боль, в самом деле, ей небезразлична. А ведь он-то был уверен, что эта тетка без двадцатки гривен и пальцем не пошевелит.

– Да так. . . – пролепетал он в ответ.

– Больше на бочок старайся ложиться, чтобы пролежней не было. Ох, гадкая вещь – эти пролежни.

Да он и сам знал, что гадкая. А что толку... Лантаров только плотно сжал губы, так, что на лице образовалась складка безмерной тоски.

– Ну, давай, побрею, – предложила нянечка, и Лантаров закрыл глаза. Ее мягкие движения по лицу чем-то напомнили о детстве и спокойствии в душе. Она вся сама была, как мякиш, расплзалась по стулу.

– От мамочки скрываешь, что в больнице... Зря... Мамочка всегда поймет... – как-то вскользь проговорила она, и у Лантарова сжалось сердце. Все, тут всё про него знают! А «мамочкой» он мать вообще никогда не называл.

Когда Мария Ильинична влажным, выдавшим виды, полотенцем с материнской заботливостью вытерла его побритое лицо и торжественно подставила Лантарову маленькое облупленное зеркальце, он обомлел. На него смотрел изможденный, со страдальческим выражением безысходности, незнакомый человек.

Вдруг Лантарова пронзила стыдливая мысль: ему нечего дать нянечке.

– Мм... Марья Ильинична, – проговорил он, пугаясь собственного приглушенного голоса, – я вас даже отблагодарить сейчас не могу... Но я потом, позже...

– Да что ты, сынок, – всплеснула руками она. – Не переживай, у меня станочек остался, я мужчинку из пятой палаты брила. Не переживай.

И Лантаров успокоился. Все у нее, у этой женщины уменьшительно-ласкательное. И как она умеет так жить среди всего этого ужаса?

А сосед Шура долго и старательно подравнивал свою поросль на лице. Кошлатую дедову бороду он превратил в почти элегантную, профессорскую бородку. Начал он самостоятельно, орудуя ножницами на ощупь. Но окончательно подравнять попросил Марию Ильиничну, подбадривая ее едкими, но не обидными словечками, и та продемонстрировала чудеса парикмахерских способностей.

Причина прихорашивания Шуры вскоре открылась: его навестила какая-то пожилая женщина. Они тихо и совсем недолго поговорили в палате, пока она, хрустя полиэтиленовым пакетиками, передавала Шуру провизию и книги. А затем забрала у него несколько пустых баночек и пластиковых коробочек. Лантаров украдкой рассматривал женщину – ее ни за что нельзя было назвать старушкой. Осанистая и гибкая, она энергичностью и воодушевленностью походила на суетящуюся, перепрыгивающую с ветки на ветку, сойку. Но было видно, что все ее эмоции вызваны неподдельной материнской заботливостью и желанием угодить больному. Когда она преспокойно наклонилась, чтобы что-то вытащить из-под кровати, у Лантарова от удивления отвисла челюсть: да он сам вряд ли смог бы проделать такой трюк в пике былой молодецкой удали. Более всего Лантарова поразили ее живые задорные глаза и целые ровные зубы в улыбающемся рту. Несмотря на лучистые морщины вокруг подвижных глаз и рта, женщина производила такое же впечатление, как уже вышедший из моды, но все еще добротный, красноречиво звенящий фарфоровый сервиз в шкафу.

Когда она ушла, Лантаров спросил:

– Сестра проводывала?

– Да нет, – Шура отчего-то засмеялся и проговорил не без оттенка гордости: – Компания. Евсеевна. Недели через полторы машиной за мной приедет – пора возвращаться к прежней жизни. Залежался тут.

Лантаров недоуменно посмотрел на соседа.

– Да-да. Евсеевна – современная бизнес-леди. Цветы, мед, чистые продукты – это по ее части. Сейчас модно и дорого. Я ей помогаю иногда. Улья перевезти, что-то переставить или загрузить... Она же мне исправно платит душистым медом, да еще многими другими чистыми продуктами.

– «Чистыми» – это как?

– Ну, чтобы проще для понимания: это те, которые человеческая рука не испортила. Мед, например. Или цветочная пыльца. Или орехи. А еще овощи-фрукты. То, что дала матушка природа, или то, что мы от нее добыли.

– Ну-ну... – пробормотал Лантаров, не зная, как реагировать на услышанное.

– Ты видел, какие у нее руки?

На руки Лантаров и не обратил внимания.

– Какие?

– Как у дамы, а не как у пожилой деревенской женщины. Вернее, в ее возрасте лишь очень немногим удается оставаться женщинами. Потому что даже раньше, к сорока пяти-пятидесяти годам, женщины в наших селах превращаются в несчастных, изъеденных тяжелой работой бабок.

– А Евсеевне сколько?

– А вот угадай.

Лантаров прищурился, глядя в верхний угол комнаты.

– Наверное, все шестьдесят? Шестьдесят пять?

– А вот и не угадал, – возвестил Шура победоносно, – семьдесят один.

На лицо Шуры на миг набежала тень.

– Представляешь, она всю жизнь, лет, кажется, до пятидесяти, жила в центре Киева. На Печерске, в элитном районе. В фешенебельной квартире – ее муж был генерал, из настоящих боевых вояк. Она сама из потомственной интеллигенции. С шиком жила. Но, как нередко бывает с военными, муж вышел в отставку, три года пожил и отправился туда, откуда не возвращаются. А сын у нее был толковым офицером и непревзойденным специалистом – прошел афганскую войну, а там, я тебе скажу, вертолеты горели не слабее, чем свечи в церкви. О нем легенды ходили... А теперь... увы...

Лантаров слушал не моргая и диву давался – в глазах Шуры появился пугающий вороной блеск, а голос стал ниже.

– Алкоголь? – догадался Лантаров.

– Да, что-то у него в семье произошло – коса на камень, как говорится. Развелся. Потерял интерес к службе. Запил – этот грешок за ним, впрочем, и раньше водился, но армия все-таки держала в узде. А он взял да и уволился. Евсеевна говорила, хотел бизнесом заняться. А реально стал безнадежно тонуть в бутылке. Она рассказывала: что только с ним ни делала, куда только ни возила, все напрасно. Спивается человек, и все. И главное, его ни кодирование не берет, ни уколы, ни чистка организма. Но женщины – существа стойкие, терпеливые. И Евсеевна искала-искала и прознала, что в забитой деревне, невесть сколько километров от Киева, обитает необычный батюшка, сам, кстати, бывший герой афганской войны. Там даже церквушки не было первоначально, на обычном домишке крест водрузили. И уж только через несколько лет выстроили священнослужителю церквушку – слишком многие люди к нему тянулись со всей Украины. Он и наркоманов заговаривает, и обреченных, бывает, исцеляет.

– И что ж, вылечил он ее сына?

– Да как сказать... После первой беседы с батюшкой он три месяца даже от пива отмахивался. А потом опять его затянуло в черную воронку. Но Евсеевна считала, что это во многом окружение повинно. И она ради сына решилась на смелый шаг. Уговорила его переехать в глухую деревню. Вернее, у него выхода не было – квартира-то ей осталась после того, как генерал почил... А Евсеевна – дама решительная, квартиру продала, часть денег в банке обустроила, а часть потратила на покупку небольшого домика и всего, что к нему необходимо. Вот так сама переселилась поближе к батюшке и сына на природу сманила. Сыну пообещала: если он год выдержит, покупает ему квартиру. А он какой-то окаянный – то просветление наступит, то опять в запой уйдет. И так уже, наверное, с десятков лет борьба продолжается. Настоящее

противостояние. Больше всего полгода выдерживал. Непрошибаемый. Говорит: кого «Стингер» не взял, того молитва не проймет.

Лантаров понимающе кивнул.

– Это она... помогла попасть в эту больницу?

Шура заулыбался с выражением ласкового укора.

– Называй меня Шурой, на «ты».

– Хорошо, – согласился Лантаров, и неловко, без интонации, через силу произнес, – Шура... Ты...

– Вот и чудно! – он удовлетворенно улыбнулся. – Потому что Александр Иванович – это совсем другой человек. А Шура – это действительно я. Так что не сомневайся.

Лантаров кивнул головой в знак согласия.

– А с больницей все тоже забавно вышло. Я почти никогда к врачам не обращался, как-то привык обходиться самостоятельно. И на этот раз точно так же случилось бы. Человек способен исцелиться самостоятельно, если только не станет действовать против природы. Природа ведь мудрее нас, и у нее предусмотрительно заготовлен целый арсенал средств. Например, мою переломанную ногу можно было бы обложить перцем и подорожником, перетянуть, и все срослось бы. Но перелом оказался со смещением, так что пришлось вкушать медицинских плодов цивилизации.

Лантаров с удивлением посматривал на соседа. «Какой-то чудной, не от мира сего», – думал он, разглядывая его пепельную бороду.

– Но когда Евсеевна увидела, что кость вылезла, они с сыном меня загрузили в автомобиль и прямо сюда прикатали.

Сосед еще что-то рассказывал о своей ноге и лечении, а Лантарова постепенно заволакивали воспоминания. Они были, как облака, которыми невозможно управлять или от которых невозможно скрыться. Но он и не хотел скрываться – он как бы переживал отдельные куски своей прежней жизни заново. Больше всего Лантарова мучила разгадка темного пятна – его представления об отце. Где был этот важный в его жизни человек в то время, когда его несуразно озабоченная мать боролась с собственной страстью жить непринужденно и необременительно?!

5

Неожиданно представший пред его взором отец казался бестелесным, просвечиваемым существом, бледной, сероватой, невзрачной дневной тенью, какую случается видеть во время работы завешенного матовыми облаками солнца. Как если бы был джинном, терпеливо вызываемым из волшебной лампы. Лантаров отчетливо вспомнил, что сам он был одним из тех тайно ущемленных школьников, которые жили в неполных семьях. Не часто, но ему случалось быть ужаленным тем прискорбным фактом, что за спиной вместо сурового, невозмутимого и спокойного витязя, какими казались ему отцы сверстников, у него самого оказывалась вопиющая пустота. Молодость, впрочем, быстро удаляла жало, боль притуплялась и затем исчезала до нового напоминания. Из обрывков разговоров матери подростком он сложил лишь приблизительный визуальный образ, но и тот походил на неприглядный водевильный силуэт, какие порой мелькали на экране примитивных сериалов. Этот образ не стыковался с реальным человеком, который хоть редко, но появлялся в его жизни. Возможно, отец когда-то любил его мать, хотя сам Лантаров четко осознавал: его мать всегда оставалась слишком блестящей, холодной и неуловимой для любви. Казалось, она позволяла лишь восхищаться собой, но делить эмоции, наслаждаться обменом чувств – это вряд ли. Сейчас взрослому Лантарову представлялось, что она ни тогда, ни в любое другое время никому не принадлежала.

Лантаров-старший был вполне преуспевающим доцентом в престижном университете, когда впервые встретил юную нимфу, непрерывно требующую непрестанных признаний, обо- жания и страсти. Статный мужчина с аккуратно подстриженной бородкой был на четырнадцать лет старше, к тому же женат, с ребенком почти подросткового возраста. Ее это ничуть не сму- щало, – любовный вампиризм, в сущности, отражал самую сердцевину ее самодовольной, ере- тической души; по жизни эта женщина продвигалась, как снайпер, не ведающий промаха или осечки. Впрочем, когда отец узнал, что его малолетняя пассия беременна, а врачи категориче- ски против аборта, он был даже рад такому повороту событий – это младший Лантаров узнал из случайных обмолвок матери. Конечно, она увела его от семьи, запрещала даже заглядыв- вать в прежнюю жизнь: все, что было до нее, ему с суровой непреклонностью предписывалось стереть, хирургическим путем удалить из жизни. Но Кирилл хорошо знал и то, что время от поспешной и скромной свадьбы до неминуемого расставания оказалось ничтожно малым. Ее не устраивало буквально все. Этот жалкий сожитель – она всегда колола его обидными про- звищами – зачем-то растрачивал силы на какую-то мифическую диссертацию с прогорклыми перспективами. Вместо безудержного веселья с беспечными компаниями, солнечными курор- тами и нескончаемой смены зажигательных авантюр он предлагал ей серые будни, приправ- ленные какими-то оскорбительными кухонными обязанностями. Вместо свободного парения он тихо настаивал (нет, он, конечно, не решился бы требовать) на ужасающе-мрачном испол- нении роли жены и матери. Для нее это было невыносимо, возмутительно и бесчувственно! Она никогда и ни за что не хотела превратиться в блеклого, без запаха и цвета домашнего зверька. Он явно поймал не ту рыбку! От своих претензий и амбиций отец отказался быстрее, чем сам мог предполагать; они были безвозвратно зарыты в братской могиле всех тех наивных желаний мужчин, избравших дикую, ослепляющую красоту вместо мудрости и домовитости.

Коллапс семейных отношений возник как логическое завершение прозаичного бунта плоти и мысли: два чуждых друг другу человека разлетелись, как бильярдные шары, столкнув- шиеся вследствие непрозорливого удара кия. Мир отца с того времени стал опостылевшим пространством, куда впустили губительную дозу удушливого газа. Алкоголь и сомнительные связи дополнили его диссертацию по философии особым привкусом пародии на действитель- ность. Лишь изредка отец мелькал в жизни сына, ни на что не влияя, беспрекословно подчи- няясь деспотическим и мимолетным капризам своей бывшей жены.

Кирилл отчетливо вспомнил одну ссору, возможно, одну из последних. В порыве эмоций отец упрекнул жену в притупленном инстинкте материнства. Она ответила ему спокойным, цинично-ледяным тоном, лишенным модуляций, каким – теперь Кирилл это уже хорошо знал – убивают наповал, как остро отточенной шашкой. «Бесполезно философствовал», «ничего не добился в жизни», «остался никчемным и никому не нужным» – пакет из этих фраз составлял вердикт, обвинение в мужской несостоятельности. Такое не забывают...

Вспоминая об отце, мать всякий раз подчеркивала его мужскую несостоятельность и свои невероятные усилия, предпринятые для его, Кирилла, воспитания. Ее любовь, весьма странно выражаемая, порой вызывала у него жуткие ассоциации, как если бы вместо живого существа он соприкасался с мумией или даже с манекеном, великолепно исполненным снаружи и полым внутри. Сколько Лантаров помнил себя, в нем росло непреодолимое желание удалиться от матери.

Теперь, когда у Лантарова появилось много времени, он с недоумением размышлял, отчего все-таки ему так не хочется видеть мать? Он так лихо, с вызывающим апломбом отпоч- ковался от нее, а теперь она увидит его слабым?! Таким же никчемным, как его отец?! Пожа- лее ли она его? Может быть, только в первое мгновение... Ведь он давно знает: она не умеет любить, не научилась... А он сам? Этот вопрос возник впервые и повис без ответа. Лантаров мысленно прогнал его, как бродячую собаку. Он вспомнил, что мать давно работает в Москве, что у нее новый мужчина... Ну и пусть! И ему тоже уже давно нет дела до ее работы и отно-

шений, которые скорее являются – в этом он, Лантаров, почему-то был уверен – пародией на семью.

Так в чем же дело?! Лантаров опять неожиданно вспомнил детство, как однажды маленьким мальчиком вернулся домой со двора и застал мать лежащей на полу посреди комнаты с закрытыми глазами. Он, охваченный безудержным страхом, внезапным отчаянием и беспомощностью, дико завопил – вдруг она умерла?! Но неожиданно мать открыла глаза, приподняла голову и медленно произнесла: «Боже мой! Как хорошо! Теперь я знаю, что меня хоть кто-то любит!» Она выговаривала слова с такой невыносимой зачарованностью, с таким упоением, что у Кирилла зарябило в глазах. Его ноги подкосились, и он тихо опустился на пол и замолчал. Но потоки слез продолжали беззвучно течь по его щекам. Даже тогда, маленьким мальчиком он догадался: его переживания находятся слишком далеко, за чертой ее восприятия; они устремляются к ее сердцу в своем трагическом полете, но натываются на невидимый пуленепробиваемый жилет. Щит, панцирь...

...Лантаров от этих воспоминаний испытывал гнетущее чувство неумной тоски. За окном рьяно стучал и ломился в глухие больничные окна холодный, неведомо чем раздраженный дождь. Сквозь сумеречную серость легко можно было различить тучи, висевшие клочковатыми струпами. Словно убеждаясь в тщетности проникнуть в стерильное, безжизненное помещение больницы, капли, только что обладавшие невероятной силой, ударившись о предательскую твердь окна, уныло и безысходно струились по стеклам. Кирилл чувствовал себя похожим на эти капли, еще недавно воинственным и непоколебимым, а ныне сломленным и лишенным воли к жизни. Точно так же, как и они, он летел неведомо куда, пока не столкнулся с твердыней самой жизни, превратностями бытия, о существовании которых даже не подозревал. Искалеченный аварией, парень лежал с широко распахнутыми глазами и наблюдал за хаотичными каплями дождя, невольно сравнивая их с людьми, оголтелыми и беспокойными, пока не столкнутся каждый со своим препятствием, заставляющим хоть раз задуматься о смысле своего существования. Был один из тех тягучих больничных вечеров, когда каждый занят своим муравьиным роем мыслей, спорящих и враждующих друг с другом, снова сменяющихся в беспорядочном движении. Неподвижное существование становилось невыносимым, но чем более статичным и отекившим делалось его тело, тем быстрее кружилась чумная карусель мыслей, вызывая тошноту и дрожь тех частей тела, которые он еще чувствовал. Теперь Лантаров знал, каким должен быть самый страшный фильм ужасов – тот, который он теперь видел почти каждую ночь. Его жизнь оказалась разделенной на «до» и «после». Порой будущее выглядело в его представлении еще хуже, чем смерть, потому что было соткано из сплошной неопределенности. Прошло уже три недели его нового полубезумного существования, но его настоящее и будущее все больше походило на кошмар. Унизительный факт: ему неоткуда взять денег на лечение. Расходы за период реанимации, как ему любезно сообщили люди в белых халатах, оплатили его коллеги по работе. Что делать дальше? Ведь лежать ему еще не менее двух с половиной-трех месяцев. Да и потом – все та же пугающая неизвестность. А вдруг он останется несостоятельным инвалидом, неспособным нормально передвигаться?! Эта мысль больно обожгла, как будто он прикоснулся к включенной электроплите. Только Шура умел подбодрить его невозмутимыми замечаниями, подкрепленными книжными историями о других людях, которые годами лежали прикованными к больничным койкам, но поднялись и победили. Но Шура скоро выпишется и исчезнет из его жизни. Останется только тьма, о которой уже сейчас одуряющими предвестниками возвещали первые пролежни и беспардонно взирающая на него металлическая утка – неужели он попал в вечные клещи зависимости от окружающих?!

Лантаров опять подумал об отце – ему почему-то казалось, что если выманить недостающий образ из норки растерянной памяти и восстановить утраченную картинку бытия, то это ему многое объяснит. Но, к своей досаде, он помнил только отдельные фрагменты. Да и те

застыли в памяти непроходимыми комочками каши, которые невозможно ни проглотить, ни пережевывать зубами взрослого, потому что ощущения были выдуманы и навязаны еще в детстве. И все-таки...

Вот отец, еще совсем молодой, привез ему красивый, поблескивающий удалью, велосипед. И, привстав с сиденья, чтобы сильнее разогнаться, маленький Кирилл улавливал его лицо, открытое, немного улыбающееся и даже счастливое, несмотря на тяжелые мешки под глазами. А вот он постарше, и улавливает злые оттиски морщин на озабоченном лице: отец принес ему несколько книг, по его мнению, стоящих. Кирилл без труда вспомнил аккуратные томики Золя и Набокова, которые он так и не осилил. Хотя родитель учил его быть разборчивым у книжной полки, неумная тяга к праздности, комфорту и удовлетворению желаний в любой момент времени не оставляла шансов развиться воле и устойчивой мотивации. И все-таки отец сделал одно крайне важное дело, перевернувшее его жизнь. Лантаров отчетливо помнил встречу с ним перед поступлением в институт. Он видел побелевшую от седины бородку, скользкий, несколько виноватый взгляд глубоких печальных глаз человека, отягощенного невысказанностью. Грузные мешки набухших век сверху и темные круги снизу. Слегка подрагивающие руки, вызвавшие тогда его иронию. Вид больного человека, скрывающегося под маской труженика. «Наверное, мать права, твердя, что он безбожно пьет», – подумал тогда Кирилл. С напускной небрежностью отец сообщил ему, что сумел решить вопрос его зачисления в Киевский институт международных отношений – один из самых престижных вузов страны. А заодно и с армией все уладил, избавив сына от непопулярного и небезопасного долга. Хотя отец был преподавателем главного университета страны, Лантаров уже тогда хорошо знал, что двери КИМО открываются далеко не перед каждым профессором, а сумма взяток за несколько лет взлетела в пять-семь раз – до совершенно фантастической цифры. Кирилл помнил, как он с трудом сдерживался, чтобы не уткнуться в плечо отца и не сказать что-нибудь непременно доброе.

Теперь он жалел о своей былой отчужденности, в которой проявлялись материнские уловки. Только теперь, заживо сгорая в дьявольской печи забвения и удушливого одиночества, Лантаров осознал, что совсем ничего не знал о жизни отца, не интересовался ею и считал отца мягкотелым неудачником лишь на основании высказываний матери. И остался тот в сыновнем воображении юродивым, вечно ищущим чего-то нереального, философского и патологически безжизненного. Кирилл ничего не понимал из ее слов и думал, что если бы отца можно было представить себе в виде дерева, то мать определенно была бы двуручной пилой с острыми зубьями, врезавшимися глубоко в древесную мякоть ствола.

Отец ушел из жизни внезапно, когда Кирилл еще не прошел испытание первой сессией. Так тихо и безмолвно, что сын даже не знал о его роковой болезни. Он, погрязший в своих возрастных проблемах, лишь изумился. Теперь же появилось убеждение, что он жил медузой в то время, когда следовало превратиться в мужчину и принимать самостоятельные решения. Но разве не отец был виноват в этом?! Мать наотрез отказалась участвовать в панихиде, она уже жила в то время между двумя столицами, чаще находясь в самолете или в поезде, чем дома.

– И тебе там делать нечего, – со свойственной ей безапелляционностью заявила она, и от нервно сжатых губ на миг возникла и пропала складочка на подбородке. В тот день – он хорошо это запомнил – она показалась ему особенно неприятной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.